

154 281

арев

хотти

вны

Выд. в ч/з 4

V.N. Karazin Kharkiv National University
01287735 8

Бережіть книгу

Не перегинайте книги читаючи

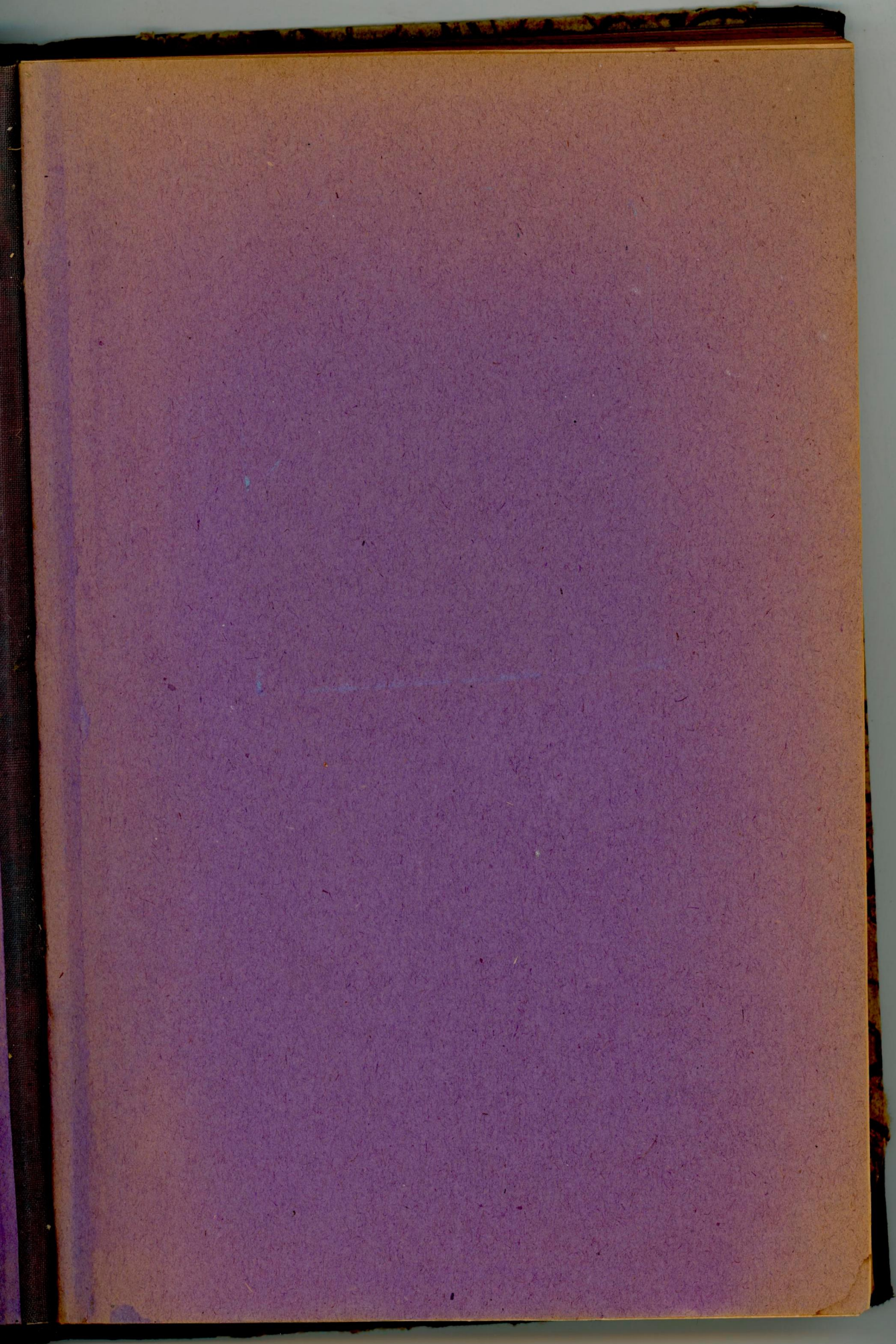
Не загинайте сторінок

Не робіть написів на книзі

Не мочіть пальців сли-
ною, перегортаючи книгу

Загортайте книгу в папір.

видаання книгоспілки—ХАРКІВ

X 919

Проф. З. И. ЧУЧМАРЕВ

МАРКСИЗМ, ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, УСЛОВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

88

~~158:612.821~~

~~4-967-м~~

ПРОФ. З. И. ЧУЧМАРЕВ

(Захарий Иванович)

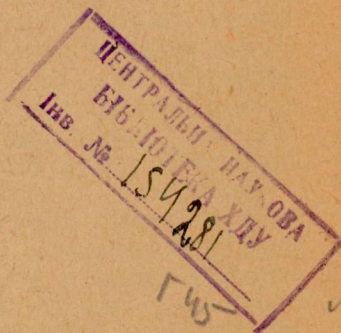

34

МАРКСИЗМ, ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, УСЛОВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ

(ПЕРВЫЕ ДВЕ ГЛАВЫ ИЗ ТРУДА „ПОДКОРКОВАЯ
ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВЕДЕНИЯ
ЭНЦЕФАЛИТИКОВ - ПАРКИНСОНИКОВ“, ИЗД.
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ)

511/30-дуби,

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

1928

58

20

2.10
404

41

I. Методология исследования

Если всякое научное исследование должно иметь методическое введение, то в особенности оно необходимо в наше время в исследовании форм поведения человека, в виду наличия в научных дисциплинах, исследующих или затрагивающих вопросы этого поведения, методологических разногласий.

Для экспериментальной характеристики исследуемых больных мы располагаем в нашей лаборатории реактологическими и рефлексологическими методиками, помимо всех остальных методик современной экспериментальной психологии. Мы должны были отобрать методы, способные вскрыть и уяснить во всей возможной полноте особенности поведения наших больных, не принося исследования в жертву одной какой-либо из существующих методических доктрин.

Выбор метода, удовлетворяющего современным требованиям, определяется объемом и содержанием понятия «поведение человека». Данное понятие разрабатывается психофизиологией, как специальной наукой о формах поведения, характерных для человека, и гносеологией, как общей теорией всякой методики. Помимо указанных здесь научных дисциплин, понятием «поведение» интересуются и другие науки, и прежде всего — социология, как наука, имеющая дело с особо сложными формами общественного поведения человека, и биология, ставящая задачу исследования общих форм поведения живых существ, а пока, в ее современном состоянии, имеющая дело с более элементарными, чем у человека, формами поведения животных. Поэтому при обозрении и отборе нужных для нашего исследования методик мы должны учесть взгляды на понятие «поведения» указанных здесь наук.

Но предварительно мы изложим один из главных поводов, который привел к пересмотру в нашей науке ее основных положений. Таким поводом было создание ак. И. П. Павловым методики и теории условных рефлексов. В дальнейшем, согласно нашему плану, идя от общего к частному, мы посиленно изложим в данной главе то освещение понятия «поведение человека», которое дает теория познания диалектического материализма и марксистская социология, ибо с точки зрения этих дисциплин рассматривается в Союзе наука о поведении человека. Потом мы изложим взгляды на поведение человека биологии, прежде всего, в лице воззрений ряда ученых, затрагивающих в своих работах нужный нам вопрос поведения, например, И. М. Сеченова, который, с одной стороны, положил основание в «русской физиологической школе» учению о высших рефлексах, а с другой стороны, определенно указал на фоне учения о рефлексах специфические особенности поведения человека, интересующие социологию, и отношение этих форм к простейшей форме поведения — рефлексу. Затем приведем взгляды на поведение и других биологов как русских (ак. Северцев, проф. Вагнер), так и иностранных (Л. Морган и бихевиористы, В. Келер и др.). И в заключение

мы укажем основные современные течения психологии на Западе и у нас, чтобы наметить основные принципы современной психофизиологии.

Конечно, все намеченное здесь должно быть изложено в пределах одной вступительной главы к данному экспериментальному исследованию. Исчерпать полноту освещения и решения вопроса о «поведении» с точки зрения указанных нами научных дисциплин мы здесь не беремся; тем более, что вступительная глава не дает к тому технических возможностей; попытки, например, за границей выяснить современные течения в изучении поведения человека дают отдельные томы исследований¹⁾.

В этой вступительной главе мы перечислили основные точки зрения на поведение указанных выше наук с тем, чтобы наше экспериментальное исследование поведения энцефалитиков-паркинсоников выполнило общее методологическое требование, предъявляемое ко всякому научному исследованию, а именно: те основные теоретико-познавательные точки зрения, которые часто бессознательно для исследователя лежат в основе производимой им работы, должны быть определенно формулированы им с целью последовательного проведения этих точек зрения и лучшего понимания читателем и критиком хода и приемов произведенного конкретного исследования.

Методика условных рефлексов разработана И. П. Павловым для исследования некоторых форм поведения собаки. К изучению поведения человека методика Павлова не применялась. В нашей лаборатории разработана методика изучения условных слюнных рефлексов у человека при помощи сконструированной нами капсулы²⁾; мы располагали и методикой дрожательных и сосудистых условных рефлексов у человека, тоже специально разработанной нашей лабораторией (о ней см. «Український Вісник Рефлексології», № 3). Все это были методы, принципиально близкие к классическому методу Павлова. Надлежало уяснить нам природу и пределы этих методик.

Особенности методики условных рефлексов в применении к человеку и животному сводятся, по нашему мнению, к следующему: это — методика изучения поведения без обращения к сознанию исследуемого. По крайней мере, таковы desiderata создателя этой методики. Как известно, фактическим поводом к изобретению методики И. П. Павлова послужило его естественное нежелание заниматься чужой дисциплиной — психологией — в своей лаборатории физиологии. При всем своем, можно сказать, огромном уважении к психике, выразившемся в заявлении Павлова: «в сущности, интересует нас в жизни только одно: наше психическое содержание», психические «состояния для нас первостепенная действительность, они направляют нашу ежедневную жизнь, они обуславливают прогресс человеческого общества»³⁾, И. П. Павлов все-таки, как физиолог, не должен был, да и не мог, по своей подготовке, заниматься в своей физиологической лаборатории психическими компонентами поведения его подопытных животных.

Отсюда, И. П. Павлов в своих целях, как физиолог, естественно стремился пользоваться в своих опытах только такими формами поведения собак, в которых психический компонент мог быть, так сказать, «выщелочен»⁴⁾.

¹⁾ Укажем для примера новейшие, наиболее важные, по нашему мнению: W. Köhler — «Die physischen Gestalten in Ruhe und stationären Zustand», 1920 г.; F. Krueger — «Der Struktur-begriff in der Psychologie», 1924 г.; M. Wertheimer — «Drei Abhandlungen zur Gestalttheorie» 1925 г.; K. Bühler — «Die Krise der Psychologie», 1927 г.

²⁾ Подробнее об этом см. дальше главу «Условные слюнные рефлексы у хронических энцефалитиков» и сборник «Инфекция и нервная система», стр. 131 — 158.

³⁾ Павлов. «20-летний опыт», 1 изд., стр. 40 и 157.

⁴⁾ Некоторые такой простой факт naïвно поняли как обоснование утверждения: явлений сознания нет, а если и есть, то они совершенно не имеют никакого значения (Енчмен и его многие последователи, осознавшие и не осознавшие источника своих взглядов).

Получить такую форму поведения довольно легко, стоит лишь добиться привычной, автоматизированной, формы поведения животного. Имея дело с таким «живым физиологическим препаратом», ак. И. П. Павлов открыл ряд фактов, ценных для физиологии и наук, которые пользуются данными физиологии.

Ни сам И. П. Павлов, ни его наиболее серьезные критики не считали, что он в своих работах вышел из пределов физиологии. «Как началась наша работа со стороны физиологии,—заявил в 1923 году Павлов,—так она неукошительно и продолжается в том же направлении»¹⁾. «Сфера работ проф. Павлова — физиология» — констатирует Н. И. Бухарин²⁾.

Расширение физиологической методики И. П. Павлова до особой науки о поведении — «рефлексологии» — принадлежит в той или иной мере последователям этой методики, хотя в полемике И. П. Павлов иногда высказывал и *общие* суждения об изучении поведения животных и человека, а следовательно, касался психологии. Рассматривая дальше явление рефлекса, мы присмотримся к этим общим суждениям выдающегося экспериментатора, которые имели отношение к науке о поведении человека.

Рефлекс, бесспорно, является наиболее элементарной формой поведения живого существа, имеющего нервную систему. Как элементарная форма поведения, *рефлекс характеризуется методически тем, что поведение здесь целиком определяется данным внешним раздражением*; поведение в форме рефлекса является функцией одного непосредственно данного в некоторый момент раздражения, а не совокупности всех раздражений, воспринятых организмом. Эта совокупность всех раздражений среды, воспринятых когда-то организмом человека, более или менее систематизированных им и возобновленных воспоминанием в связи с данным раздражением, составляет то *бытие*, которое определяет *сознание* — состояние, являющееся функцией высокой организованности нашего тела. Бытие и сознание являются координированными явлениями жизни, из которых первое определяет второе.

При своем поведении в форме рефлекса живое существо подчиняется только «кусочку бытия», действующему в данное время на него; а между тем, типичное поведение человека, как оно описывается в социологии, определяется всею совокупностью «бытия», как прошлого, хранящегося в виде следов в его организме, так и настоящего в виде непосредственно наличествующего раздражения. Та особенность поведения человека, которая делает его способным подчинять себе среду, а не подчиняться ей, как это присуще низшим на биологической лестнице существам, и заключается, по нашему мнению, в выработавшейся способности человека не подчиняться в своем поведении целиком первому встречному раздражению, а руководиться всею совокупностью пережитого опыта, т.-е. всею совокупностью воздействовавшего на него «бытия». Это синтезирование всех воспринятых раздражений и их систематизация сопровождается у человека состояниями сознания; при этом для всякого ученого, как и «для всякого материалиста,—говорит Ленин,—законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходятся, а не различаются с этими формами»³⁾.

Психика есть функция сложного организма, и именно — функция, отражающая синтезирование всего пережитого под влиянием объективной действительности опыта организма. И чем совершеннее это синтезирование

¹⁾ Павлов. «Двадцатилетний опыт», 1 изд., стр. 8 — 9.

²⁾ «Атака», изд. 2, стр. 341.

³⁾ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм». 1920 г., стр. 367.

и его отражение, тем ценнее роль сознания в социальной жизни человека и вообще в его приспособительном поведении. Человек получает от своей среды «директивы» для своего поведения, насквозь пропитанного социальными отношениями. Сознательно воспринятые человеком директивы его социального поведения могут тормозить одни стороны поведения, в том числе чисто биологические, рефлекторные (см. впереди схему Сеченова и ее описание) и стимулировать другие. В таком факте мы имеем выражение принципа: бытие определяет сознание и социальное поведение субъекта. Социальное поведение есть преимущественно сознаваемое поведение. Вот почему для социальных классов важна прежде всего «сознательность» ее членов. Аппарат сознательного приспособления дает чрезвычайно скорое включение общественного опыта в мотивы поведения отдельных членов; это и приводит к упомянутому впереди наиболее прогрессивному приспособлению человека в отличие от медленных приспособлений часто биологического характера (инстинктивного и рефлекторного).

Акад. А. Н. Северцев в своей статье «Эволюция и психика» дает следующую классификацию приспособительных форм в животном мире, которая необходимо завершается психофизиологическими формами:

I. Наследственные приспособления к очень медленным изменениям среды:

1. Наследственные изменения строения животных.

2. Наследственные изменения поведения без изменения строения (рефлексы и инстинкты).

II. Ненаследственные приспособления к сравнительно быстрым изменениям среды:

1. Функциональные изменения строения животных.

2. *Изменение поведения животных разумного типа* (курсив наш — З. Ч.).

Последняя форма приспособления (II—2) характеризуется Северцевым так: «1) У высших позвоночных животных широко распространены действия, которые в отличие от наследственных рефлексов и инстинктов мы имеем полное право отнести к типу, который мы обозначили условно термином «разумной»; в низшей форме эти действия подходят под тип простых условных рефлексов; у более высоко стоящих животных они усложняются настолько, что приближаются к действиям, которые мы у человека обозначаем как произвольные и разумные действия. 2) В отличие от инстинктов эти действия не наследственны и этим отличаются от инстинктов и рефлексов; наследственными признаками являются здесь не самые действия, как таковые, а только некоторая высота психической организации».

«С биологической точки зрения, т.-е. с точки зрения приспособляемости животных, мы имеем здесь фактор чрезвычайной важности, биологическое значение которого до сих пор не было достаточно оценено: значение его состоит в том, что он в весьма значительной степени *повышает пластичность животных по отношению к быстрым изменениям среды*».

«Можно сказать, что, *благодаря развитию сознательно-разумной психики*, способность непосредственных предков человека и самого человека к приспособлению повысилась в невероятной степени и что именно благодаря этой способности человек и занял не только в ряду млекопитающих, но и в ряду всех животных доминирующее положение: *он может приспособляться в чрезвычайно короткое с эволюционной точки зрения время решительно ко всяким изменениям и условиям существования*» — заключает выдающийся биолог ак. А. Н. Северцев.

Биология по природе своих задач не может не обратиться к исследованию высших форм поведения человека — психофизиологических форм: сосредоточение внимания какого-нибудь исследователя лишь на одной форме без внимания к остальным может объясняться профессиональной установкой, но зато такой объем научных интересов данного исследователя не дает права на широкие обобщения, каковых однако не избегают некоторые работники, изучающие только рефлексы.

Особое приспособительное значение сознательного поведения заставляло, как увидим дальше, исследователей поведения животных (бихевиристов) искать признаков «возникновения» сознания в животном мире. Некоторые ученые считали такими признаками, например, следующее:

1) относительно быстрое видоизменение поведения животных, т.-е. очень скорое по сравнению с длительным временем выработки условного рефлекса, а тем более инстинкта (L. Morgan, Thorndike и др.);

2) действие в форме так называемых отсроченных реакций, т.-е. в случаях пользования опытом по воспоминанию, без наличествующего полностью в момент действия условного раздражителя (Hunter);

3) в целостном восприятии окружающей ситуации с прогрессивным видоизменением приспособительного поведения в этой ситуации (W. Köhler, Koffka и др.).

Указывались и другие признаки поведения с участием сознания (об этом подробнее дальше).

По мнению В. И. Ленина, основанном на работах Л. Моргана, Геккеля, «в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органической материи)». При этом В. И. Ленин добавляет по поводу этих предположений: «Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям»¹⁾. Перечисленные ученые — Morgan, Thorndike, Hunter и др. — своими трудами в области сравнительной психологии животных и осуществляли объективно задачу диалектического материализма, о которой говорит В. И. Ленин, хотя субъективно эти ученые, быть может, и не знали значения своих трудов для диалектического материализма.

Вполне доказательную форму поведения с участием сознания надлежит искать у животных с нервной системой, имеющей все характерные особенности нервной системы человека, т.-е. имеющей ее высокую дифференциацию и соответствующую интеграцию. Только такая нервная система бесспорно могла порождать сознание, как функции высокоорганизованного тела. Отсутствие характерных особенностей и плана нервной системы человека не дает достаточных условий для утверждения наличия у животных сознания — функции организованности тела, хорошо известной нам по человеку. «Строение нервной системы Coelenterata объяснит нам, — говорит профессор Вагнер²⁾, — почему действия гидры представляют в сущности не акт целого, а простую совокупность элементарных рефлексов». У высших Coelenterata, по Гертвигу, мы имеем «скопление нервных клеток так называемой диффузной нервной системы». Нервная система актиний, по Вольфу, имеет нервные клетки, которые «разбросаны по всему телу и не могут давать, разумеется, никаких иных реакций, кроме рефлексов»; здесь «скопления нервных клеток в местах наибольшего движения не образуют еще узлов или ганглий; они представляют собою лишь такие участки организма животного, в которых нервные клетки собраны в более или менее значительном

1) Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 1920 г. стр. 37 — 38.

2) В. Вагнер. «Возникновение и развитие психических особенностей». Вып. II, стр. 19.

числе, оставаясь функционально обособленными друг от друга»¹⁾. Поднимаясь вверх в животном мире, мы находим, по мере приближения к человеку, как сказано, усложнение нервной системы и рост ее централизации. Только у животных с такой нервной системой можно допустить *бесспорное* наличие сознания, как функции высокой организованности тела (и, в частности, нервной системы). Перед сравнительной психологией и стоит положительная задача отыскать специфические проявления психических состояний животного в объективных признаках его поведения.

Конечно, трактуемое здесь психическое состояние есть только то состояние организма, о котором говорит Н. И. Бухарин: «Сознание не есть нечто второе, сверх и помимо физиологических процессов данное, а лишь интроспективное выражение моих физиологических процессов». Какова биологическая роль психических состояний,—можно видеть по описаниям роли этих состояний у человека.

«Единственная часть человеческого мозга, в которой находится познание (психическое — З. Ч.) есть определенная часть мозговой коры, фронема,— утверждает Геккель.—Фронема есть чрезвычайно совершенная динамо-электрическая машина, составными частями которой являются миллионы физических клеток. Точно так же, как по отношению к другим органам тела, *функция данной части мозга есть конечный результат функций составляющих его клеток*»,—заключает Геккель. Такие взгляды Геккеля В. И. Ленин признает, как взгляды ученого, держащегося монистической теории познания²⁾. Психические переживания не есть только продукт одного из многих, так сказать, равноправных центров, но есть продукт такого центра, функция которого представляет конечный результат работы составляющих его клеток, а эти последние, в свою очередь, управляют остальными органами тела. Этот центр, эволюционно более поздний, представляет дальнейшую ступень в развитии организма; как эволюционно более поздний, он координирован в своей синтезирующей функции с функциями более ранних центров, и таким образом функции этого центра иерархически завершают элементарные функции эволюционно более ранних центров. Функция фроне́мы — это отражение высшего приспособительного синтеза всех органических процессов тела.

Конечно, постоянная, «нормальная» работа таких органов, как печень, желудок и т. п., не доходит до сознания, но малейшее патологическое нарушение правильной рефлекторной деятельности этих органов, как нарушение имеющейся организованности тела, резко отражается в сознании болевыми ощущениями.

Несет ли сознание какую-либо приспособительную функцию или оно является ненужным придатком к остальной деятельности организма, быть может, мешающим, как все ненужное, этой деятельности? Определенный ответ на этот вопрос мы получим не только у психофизиологов, но и у социологов и биологов.

Обратимся сначала к социологии. Трудовое поведение человека действительно охарактеризовано Марксом в следующих словах: «Паук совершает операцию, напоминающую операцию ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посармляет некоторых людей — архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем построить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед

¹⁾ Op. cit.

²⁾ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 1920 г., стр. 359.

началом этого процесса имелся идеально, т.-е. в представлении работника. Он не только изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время свою сознательную цель, которая, как закон, определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю»¹⁾.

Это особое качество, которое эволюционно выросло у человека через накопление и организацию определенного количества элементарных форм поведения — рефлексов, сводится, по Марксу, к тому, что человек непосредственно пользуется в своем поведении «вниманием и целесообразной волей», т.-е. определенного вида психическими переживаниями. Человеку не дано непосредственное знание своих физиологических процессов в конкретной его деятельности, а дано их отражение, представляющее результат всех его физиологических процессов, — дано состояние сознания. Отрицать приспособительную роль последнего — значит отрицать вместе с тем приспособительную роль высшей нервной деятельности в ее конечном продукте — сознании.

Психические переживания ничем не заменимы в своей синтезирующей роли. Фейербах это положение вещей выражает следующим образом: «В желании пищи и в наслаждении пищею я ничего не знаю о желудке. В ощущении, как таковом, я ничего не знаю о мозге. В наше сознание входят лишь результаты, а не процессы организма. Но из того, что мышление не есть для меня мозговой акт, конечно, не следует, что оно само по себе также не есть мозговой акт».

Философия диалектического материализма стоит на точке зрения единства физического и психического, но, конечно, не их тождества. Последнюю мысль В. И. Ленин, например, выражал по поводу споров о Дицгене так: «Мысль Дицгена состоит в том, что различие материи от духа относительно, не чрезмерно. Это справедливо»²⁾. «Что в понятие материи надо включить и мысли, как повторяет Дицген в «Эккурсах», — это путаница, ибо при таком включении теряет смысл гносеологическое противопоставление материи духу, материализма идеализму, на каковом противопоставлении Дицген сам настаивает. Что это противопоставление не должно быть чрезмерным, преувеличенным, метафизическим, — это бесспорно (и в подчеркивании этого большая заслуга диалектического материалиста Дицгена)» — заключает В. И. Ленин³⁾.

Вопрос о единстве сознания и материи, а не их тождества, есть вопрос о принципиальном различии диалектической точки зрения на сознание от механической.

Не менее определенную характеристику роли психических моментов, как ее дал впереди К. Маркс, дает Г. В. Плеханов:

«Ограничиваться рассмотрением человека, как члена животного царства, значит ограничиться рассмотрением его, как объекта, упустить из виду его историческое развитие, его общественную практику, конкретную человеческую деятельность. Экономический материализм является ответом на вопрос, как развивается конкретная деятельность человека, как развивается его самосознание, как складывается субъективная сторона истории»⁴⁾. Здесь под словом «субъективная сторона» Плеханов, конечно, разумеет не понятие «произвольного», «вымышленного» и т. п., каковые атрибуты некоторые в наше время пытаются употребить для характеристики науки, исследующей сознательное поведение человека. «Субъективная»

¹⁾ К. Маркс. «Капитал», т. I, отдел третий.

²⁾ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 1920 г., стр. 247.

³⁾ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 248.

⁴⁾ Плеханов. «Монистическое понимание истории». Москва, 1920 г., стр. 190 — 191.

сторона истории у Плеханова, конечно, означает «осознаваемая», «психическая», а не «произвольная», «вымышленная», и т. п.

Называть явления «субъективными» мы лично считаем нерациональным потому, что термин «субъективный», как уже сказано, имеет два значения. Первое значение: «субъективный» означает «принадлежащий человеческому сознанию»; в этом смысле термин «субъективный» употребляет Плеханов, когда он указывает в приведенной цитате большое значение психического момента в истории. Это положительное значение слова «субъективный», употребляемое обычно в философии.

Второе значение слова «субъективный» распространено в более широких кругах читателей. Здесь «субъективный» означает «произвольный» «недоказательный», «необщепризнанный» и т. под. В таком значении некоторые «критики» употребляют слово «субъективный», как эпитет психологии. Это — отрицательное значение термина «субъективный».

Спрашивается, когда говорят о явлениях сознания или психики, называя их субъективными, то что при этом желают выразить: или то, что наука об этих явлениях не может быть общезначимой, доказательной для нормально мыслящего человека, т.-е. признают науку о сознании невозможной и сами явления сознания непознаваемыми; тогда это будет агностицизм, противный вообще научному познанию мира и прежде всего враждебный материалистической теории познания, лежащей необходимо в основе естествознания. Или слово «субъективный» употребляют в вышеприведенном плехановском смысле, так сказать, почетном для психологии, но с риском на такое понимание набросить тень второго значения слова субъективный — «произвольный». Такое двойное и противоположное значение одного и того же термина может повести к ненаучному и демагогическому использованию его. А потому надлежит совершенно отказаться от термина «субъективный» в отношении психологии, как двусмысленного, неточного, а потому и ненаучного.

В. И. Ленин по такому, приблизительно, поводу принужден был отвечать Базарову, употреблявшему термин «субъективное чувство» (более принято в специальной литературе говорить «ощущение», вместо базаровского «чувства»). Базаров писал: «Агностик спрашивает, откуда мы знаем, что наши *субъективные чувства* доставляют нам правильное представление о вещах». И вот по поводу слов «субъективные чувства» В. И. Ленин отвечал Базарову и, кажется, ученым, употреблявшим одинаковую с ним терминологию: «Путаете, тов. Базаров. *Этильс не говорит сам* и не приписывает даже своему врагу, агностик, *такой бессмыслицы, как «субъективные чувства».* *Иных чувств, как человеческих, т.-е. «субъективных»,* ибо мы рассуждаем с точки зрения человека, а не лешего, *не бывает»*¹⁾.

«Вопрос не в том, субъективно ли знание. Это разумеется само собою, — говорит Плеханов; — вопрос в том, может ли знание быть истинным»; — и отвечает дальше: — субъективное знание может быть истинным через проверку его практикой, т.-е. достаточно частую и тщательную сверку наших субъективных отражений с независимой от сознания материальной действительностью.

Те, которые хотели бы упрекнуть, например, Маркса в ненаучной, по их мнению, терминологии: воля, внимание, сознание, интеллект и т. п., напрасно ссылались бы и на авторитет Павлова и Бехтерева, взгляды которых для некоторых служат источником возражений против реальности сознания и его изучения. Они забыли, что Павлов, как это уже сказано, определенно

¹⁾ В. И. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 1920 г., стр. 107.

утверждает: «В сущности, интересует нас в жизни только одно: наше психическое переживание — эти состояния для нас первостепенная действительность, они направляют нашу ежедневную жизнь, они обуславливают прогресс человеческого общежития»¹⁾, как и Бехтерев: «Было бы большой ошибкой признавать, что субъективные процессы (психические — З. Ч.) совершенно лишние или побочные явления в природе (эпифеномены), ибо мы знаем, что все лишнее в природе атрофируется и уничтожается, тогда как наш собственный опыт говорит нам, что субъективные явления достигают наивысшего развития и наиболее сложных процессов соотносительно деятельности»²⁾.

Спор с указанными здесь критиками психологии сводится не столько к вопросу о реальности психики и ее большой роли в жизни человека и в истории, — этот вопрос бесспорен. Спор здесь больше сосредоточен на вопросе: познаваемы ли общими научными средствами эти психические переживания, характеризующие, по Марксу, особенности труда человека, как типичной формы его поведения, или «чужое одушевление» должно быть предметом не науки, а веры, мистики, как то утверждал проф. А. И. Введенский, а за ним многие рефлексологи. (не все!).

Если явления сознания «направляют нашу жизнь» (Павлов) и — «достигают наивысшего развития в наиболее сложных процессах нашей деятельности» (Бехтерев), то должна же быть наука об этих исключительно интересных состояниях, — наука, дающая возможность человечеству овладеть такими состояниями организма.

И. П. Павлов, указав высокую роль психики в вышеприведенном утверждении, рядом с ним выставлял, по крайней мере, в 1913 г. следующее положение: «Одно дело — жить по субъективным состояниям и другое — истинно научно анализировать их механизм. Мне представляется безнадежной позиция психологии, как науки о наших субъективных состояниях».

В этих словах наиболее видного критика психологии есть прежде всего простое противоречие: мы видели уже из слов В. И. Ленина и Г. В. Плеханова выражение истины, принимаемой всеми: «Энгельс даже своему врагу, агностик, не приписывает такой бессмыслицы, как «субъективные» чувства. *Иных чувств, как человеческих, т.-е. субъективных, и не бывает.* Субъективно ли знание? — это разумеется само собой». И если мы попытаемся продолжить мысли В. И. Ленина и Г. В. Плеханова для данного случая, то скажем: если у научного работника, например, у И. П. Павлова, есть его ощущения, с помощью которых он может производить анализ, например, нервного механизма, то спрашивается, являются ли эти ощущения такими же «субъективными», как и те, которые, по Павлову, «направляют нашу ежедневную жизнь, обуславливают прогресс человеческого общежития», и которые почему-то непознаваемы, по мнению Павлова. Ответ на этот вопрос уже выше дан: *иных ощущений, как человеческих, т.-е. «субъективных» (по неудачной терминологии Базарова и ему подобных) — и не бывает.*

Разделение своих ощущений на две категории есть произвольное деление и противоречивое. Ощущение (субъективное) способно знать истину, конечно, при условии проверки его показаний практикой; произвольные суждения («субъективные» в отрицательном смысле этого слова) происходят или от несовершенной работы аппарата ощущений или от недостатков

¹⁾ Павлов. «20 лет изучения высшей нервной деятельности». Изд. I, стр. 40 — 157.

²⁾ Бехтерев. «Общие основы рефлексологии человека». Изд. II, стр. 78.

проверки их практикой. На построении И. П. Павлова, носящем теоретико-познавательный характер, отражается та особенность мировоззрения, которую можно было бы назвать агностическим позитивизмом¹⁾.

«Первая посылка теории познания, — говорит В. И. Ленин, — несомненно состоит в том, что единственный источник наших знаний — ощущения. Исходя из ощущений, можно идти по линии субъективизма, приводящей к солипсизму, и можно идти по линии объективизма, приводящей к материализму. Для первой точки зрения — агностицизма — объективной истины быть не может». «Для второй точки зрения, т. е. материализма, существует признание объективной истины»²⁾. «Агностики говорят: не знаю, есть ли объективная реальность, отражаемая, отображаемая нашими ощущениями; объявляют невозможным знать это»³⁾.

А закономерности ощущений есть отражение закономерностей бытия. «Для всякого материалиста, — говорит В. И. Ленин, — законы мышления отражают формы действительного существования предметов». Агностицизм Павлова, напр., в 1913 г., состоял в том, что он принципиально не признавал возможности научного познания некоторой части реальных состояний в мире, а именно — состояний сознания. То, что можно «жить по субъективным состояниям», с чем согласен Павлов, не отрицал ни один самый крайний идеалист. Различие в разбираемом вопросе между идеализмом и материализмом лежит в том, что материализм допускает научное познание всего, в том числе *непрерывно и состояний сознания*, чего не допускал в 1913 г. И. П. Павлов. Проф. А. И. Введенский, например, «чужое одушевление», т. е. познаваемость состояний сознания, считал предметом веры, а не науки. «Агностики не видят в ощущениях верного снимка с объективной реальности, приходя в прямое противоречие с естествознанием и открывая дверь для фидеизма» (Ленин).

Слова Павлова, сказанные в 1913 г., содержат принципиальный отказ знать природу и закономерность психических состояний организма, которые, по его же словам, «направляют нашу ежедневную жизнь, обуславливают прогресс общежития», и без которых невозможно всякое знание, в том числе и знание физиолога. Агностики, кроме других своих утверждений, еще говорят: «Я ценю свои ощущения, но не знаю их подлинной, научной, связи, а тем более зависимости их от того, что называют миром вещей, не знаю закономерностей в возникновении и протекании ощущений, не признаю науки о них».

А под познаваемостью ощущений, т. е. построением материалистической психологии, мы разумеем разрешение таких вопросов, как изучение определяемости ощущений окружающими раздражениями (отдел психологии — психофизика), изучение связей наличных в настоящее время ощущений с прошлыми, влияния одних ощущений на другие, проверки правильности этих связей практикой и т. под. вопросы, часть которых Маркс в своей характеристике труда обозначил, например, так: «целесообразная воля, выражающаяся во внимании». Знание перечисленных здесь состояний организма дает возможность объективно контролировать работу сознания, т. е. дает возможность построения научной психотехники, педагогики и других практических дисциплин. К агностическому позитивизму приводило И. П. Павлова, например, в 1913 г. отрицание познаваемости ощущений — отрицание науки психологии.

Агностицизм и тесно связанный с ним солипсизм для научного работника есть противоречие самому себе, не говоря уже о противоречии материалистической философии. В. И. Ленин просто ссылается на насмешку

¹⁾ Термин Бухарина в речи на V конгрессе Коминтерна в его возражении против рефлексо-логического уклона, см. «Правду», 1924 г., № 145.

²⁾ Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», 1920 г., стр. 122.

³⁾ Ibidem, стр. 123.

над агностиками солипсистами, например, геометра Диксона и физика Больцмана. Больцман писал: «Недоверие к представлениям, которые мы можем лишь вывести из прямых чувственных восприятий, привело к крайности, прямо обратной прежней наивной вере. Говорят, нам даны только чувственные восприятия, дальше мы не в праве делать ни шагу. Но если бы эти люди были последовательны, то они должны были бы поставить дальнейший вопрос: *даны ли нам наши собственные вчерашние чувственные восприятия?* Непосредственно дано нам только одно чувственное восприятие или только одна мысль, именно та, которую мы мыслим в данный момент. Значит, если быть последовательным, то надо отрицать не только существование других людей, кроме моего собственного Я, но существование всех представлений в прошлом».

Диксон писал о солипсизме Пирсона: «Профессор Пирсон допускает существование чужих сознаний, он допускает это не только молча тем, что обращается к ним со своей книгой, но и прямо во многих местах своей книги. О существовании чужого сознания Пирсон заключает по аналогии, наблюдая движения тела других людей: раз реально чужое сознание, значит допускается существование и других людей вне меня. Выход из затруднения — признание «гипотезы», что *нашим чувственным восприятиям соответствует вне нас объективная реальность. Эта гипотеза удовлетворительно объясняет наши чувственные восприятия*. Я не могу серьезно сомневаться в том, что профессор Пирсон сам верит в нее, как и другие люди. Но если бы ему пришлось определенно признать это, то он вынужден был бы заново написать почти каждую страницу своей «Грамматики науки».

Итак, если признать чужую психику и ее способность воспринимать объективную реальность, то надо переписать и те статьи и книги, которые исходят из элементов агностицизма и солипсизма: наука о наших «ощущениях» невозможна или ненужна, «вопросы чужой одушевленности» не могут быть разрешены общими научными средствами и т. под.

Теория диалектического материализма имеет ясные и точные ответы на вопрос о природе и роли сознания. Прежде всего материализм требует доверия к показаниям органов ощущения, т. е. к их психическому продукту. «Для всякого материалиста законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходятся, а не различаются с этими формами» — говорит Ленин по поводу сочувственно принимаемых им следующих взглядов Чернышевского: «Большинство натуралистов, пытающихся строить широкие теории закона деятельности человеческой мысли (а к таким натуралистам принадлежит и акад. И. П. Павлов), повторяют метафизическую теорию Канта о субъективности нашего знания, толкуют, что формы нашего чувственного восприятия (психический аппарат — З. Ч.) не имеют сходства с формами действительного существования предметов, что предметы действительно существующие и действительные качества их, действительные отношения их между собою непознаваемы для нас; и если бы были познаваемы, то не могли бы быть предметом нашего мышления, влагающего весь материал знания в формы, совершенно различные от форм действительного существования, что и самые законы мышления имеют лишь субъективное значение»¹⁾ (курсив наш — З. Ч.).

Пример подобного толкования агностического, и действительно субъективистического, близкого даже по словесной форме к обвинению, высказанному

¹⁾ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 1920, стр. 367 — 368.

Чернышевским и Лениным, мы видели впереди в выражении Павлова: «одно дело — жить по субъективным состояниям, другое дело — их научно анализировать, наука о субъективных состояниях невозможна». К приведенным словам Чернышевского Ленин прибавляет: «к сведению путаников, Чернышевский называет метафизическим вздором всякое отступление от материализма в сторону идеализма и в сторону агностицизма».

«Вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи, — говорит В. И. Ленин, — есть вопрос о доверии человека к показаниям его органов чувств (курсив наш — З. Ч.), вопрос об источнике нашего познания, вопрос который ставился и обещался с самого начала философии, вопрос о том, является ли источником человеческого познания зрение и осязание, слух и обоняние. *Считать наши ощущения (психические явления — З. Ч.) образами внешнего мира — признавать объективную истину — стоять на точке зрения материалистической теории познания, — это одно и то же*»¹). «Раз вы отрицаете реальность, данную нам в ощущении, — продолжает в другом месте В. И. Ленин, — вы уже потеряли всякое оружие против фидеизма, ибо вы уже скатились к агностицизму или субъективизму»²), а это для него только и нужно»³).

В признании *объективной закономерности природы, отражаемой сознанием*, Энгельс, по словам В. И. Ленина, вполне сходиллся с Дюрингом, как и со всяким другим материалистом. А Дюринг по этому вопросу утверждал: «Мышление есть высший вид всей остальной действительности». «Основная посылка философии — самостоятельность и отличие вещественного, действительного мира от группы явлений сознания, возникающих в этом мире и познающих его», — писал Дюринг. В. И. Ленин по поводу этих слов говорит: «За это ли критиковал Энгельс Дюринга? Нет. Здесь Энгельс вполне сходиллся с Дюрингом, как и со всяким другим материалистом»⁴), резко расходясь с ним, как известно, по другим вопросам.

Или человек может приспособливаться к окружающей среде помощью и работы сознания, как функции высокой приспособительной организованности своего тела, или он лишен возможности такого приспособления, не зная непосредственно в каждом случае поведения своих физиологических процессов, настоящих и прошлых, хранящихся в виде «следов» в его нервной системе и доступных ему лишь через отражение их в сознании. Сохранить за психикой человека ее способность знать при определенных условиях (проверке практикой) истину — входит в задачу философии диалектического материализма, ибо, иначе, как сказал Ленин, мы, теряя обоснование объективного знания (всегда психического), порожденного внешней действительностью и проверенного в дальнейшем практикой, теряем при этом и оружие против агностицизма и мистицизма.

Непознаваемость психического означала бы непознаваемость и той продукции нервной деятельности «определенного участка больших полушарий, в данный момент, при данных условиях, обладающего оптимальной возбудимостью», которая, по Павлову же, дает состояния сознания (см. стр. 195 его «20-летнего опыта»).

Психическое познаваемо, ибо оно есть функция, производное, познаваемой материи. Только такие путаники, как Енчмен и его, часто несознающие того, последователи всех сортов, могут возражать против возможности познания психического.

¹) Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 1920 г., стр. 125 — 126.

²) Термин «субъективизм» здесь употреблен в упомянутом выше отрицательном значении.

³) Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 1920 г., стр. 351.

⁴) Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 244.

Но знание психического не только возможно, но и необходимо для понимания, а следовательно, научного предсказания типичных форм поведения человека, его так называемого социального поведения. Момент синтезирования всех предшествующих, пережитых субъектом, раздражений с данным наличествующим раздражением является моментом, определяющим ту или иную форму поведения человека (а этот момент в свою очередь определяется бытием). Результаты каждого момента этого синтеза даны субъекту через работу его сознания. Схема всех моментов, определяющих ту или иную форму поведения, может быть представлена в такой последовательности: 1) предшествующие раздражения, влиявшие на организм — прошлое бытие, синтезированное в образах, понятиях, взглядах, убеждениях, правилах и т. под. формах психически выраженного опыта субъекта; 2) новое раздражение, действующее в настоящее время на субъекта; 3) синтез нового раздражения с прошлым бытием, выражаемый для субъекта опять через работу его сознания (здесь «все бытие определяет сознание»); 4) сличение результатов всего повлиявшего на сознание бытия с известными субъекту социальными нормами поведения; и, наконец, 5) та или иная форма поведения, *определяемая содержанием и интенсивностью всех предшествующих моментов.*

Все внутреннее, органические условия, определяющие акт социального поведения субъекта, могут быть пережиты им с неодинаковой интенсивностью; предшествующие переживания могут довести, например, время и интенсивность какого-нибудь из перечисленных моментов до незначительной величины, когда переживание такого момента мало осознается субъектом. Перечисленная выше последовательность моментов возникает в случае специального, логического, внимания субъекта к данному акту. Вполне допустимы и такие случаи: 1) все моменты могут протекать и переживаться в иной последовательности, а часто и одновременно, ибо эти моменты образуют, действительно, целостное переживание субъекта; 2) отдельные моменты могут в переживании занимать или очень большое место или очень малое (по времени и интенсивности), большое — в случае или новизны или особой социобиологической важности содержания переживаемого момента, малое — вследствие, например, частого повторения такого момента.

Но всегда все перечисленные моменты, в том или ином их объеме или интенсивности, в той или иной последовательности или одновременности, являются *conditio sine qua* поп типичного «сознательного» поведения человека, каким является его социальное поведение. Нарушение нормы психической деятельности делает человека социальным инвалидом, так называемым *психически* больным.

Типичное автоматическое поведение, или, по терминологии некоторых, рефлексологическое, из упомянутой схемы моментов социального поведения использует только один второй момент да, следовательно, упрощенный последний, пятый, момент: по такой упрощенной схеме осуществляются формы привычного, консервативного, поведения. Последняя упрощенная схема — это схема дрессуры.

Между тем жизни присуще ее вечное движение (*παντα ρεῖ*); прогрессивное приспособление к постоянно изменяющимся жизненным условиям достигается жизнью индивида в коллективе и его соответствующим, т.-е. социальным, типом поведения. При грохоте грозы новообращенный атеист может перекреститься, но он скажет при этом в свое оправдание: «Я поступил автоматически, рефлексологически, привычно, бессознательно и т. п.», и пообещает поступать дальше сознательно, разумно, управляя собою, а не подчиняясь одному случайному, хотя и интенсивному, раздражителю без

связи его с остальным своим систематизированным опытом. Социально-ответственное поведение это есть сознательное поведение, структура которого подлежит изучению психофизиологии.

Но выраженные в 1913 году П. П. Павловым сомнения в возможности построения психологии, по нашему мнению, являются сомнениями всякого научного работника на неправильном пути искания общей методологической истины в кругу только своей специальности. Эти сомнения могли быть на время присущи в большей степени П. П. Павлову, как крупнейшему физиологу нашего времени, боровшемуся за чистоту методов своей науки, испытывавшей на себе до Павлова большое влияние психологии. Пропорционально своим сомнениям такой ученый, как П. П. Павлов, делает и поправки в своих взглядах.

Мы привели выше, как сказано, цитату из одной речи Павлова, произнесенной в 1913 году. В других речах П. П. Павлов считает науку о психологических переживаниях лишь особо трудной (что лучше других сознают сами психологи, особенно — марксисты-психологи), но не невозможной. Уже в 1914 году Павлов писал: «Я вижу и преклоняюсь перед усилиями мысли в работе старых и новых психологов, и я проникнут убеждением, что чистая физиология головного мозга животных *чрезвычайно облегчит*, — больше того, оплодотворит — *непомерную богатирскую работу тех, кто посвящал и посвящает себя науке о субъективных состояниях человека*¹⁾. А подводя итоги своим взглядам, Павлов в 1923 году пишет: «Как началась наша работа со стороны физиологии, так она и продолжается неукоснительно в том же направлении».

Та ревизия, которую вызвала теория условных рефлексов Павлова, фактически кончилась известным и до спора размежеванием соседних научных областей: физиологии и психофизиологии, исследующих единый материальный объект на разных ступенях его качественной организованности.

Теория и методика условных рефлексов «как началась со стороны физиологии, так и продолжается неукоснительно в том же направлении»²⁾.

Методика условных рефлексов, как всякое положительное завоевание науки, не может не лить воду на колесо материализма. Но речь идет о том, заменяет ли физиология нервной системы, к одному из многочисленных методов которой относится и методика условных рефлексов, начисто исследование психических явлений. Физиология нервной системы, по своей природе, и не затрагивает таких реальных и чрезвычайно важных в жизни явлений, как психические. Павлов-физиолог фактически и настаивал на такой ясной и простой мысли; изредка у него полемический тон защиты этой мысли вел иногда к опорочиванию науки, исследующей психические явления; но такие утверждения делались не без противоречий с самим собою, как выдающимся ученым и последовательным мыслителем, не говоря уже о противоречии таких взглядов с диалектическим материализмом.

Помимо интересов к физиологическим явлениям у человечества, как показывают все приведенные выше цитаты Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова и самого Павлова, есть, пожалуй, еще большой интерес к явлениям психическим. Плеханов, как уже сказано, подчеркивал: «Экономический материализм является ответом на вопрос, как развивается самосознание человека, как складывается субъективная сторона истории». Опорочить

1) Павлов. «Двадцатилетние итоги», изд. I, стр. 183.

2) Вот почему мы избегаем названия «рефлексология», претендующего на самостоятельную науку, отличную и от физиологии нервной системы и от психофизиологии. Сам Павлов решительно избегает этого термина; очевидно для него метод условных рефлексов есть лишь один из многих методов, которыми пользуется физиология нервной системы.

работу сознания критикам психологии не удалось без противоречия их с самим собою и с теорией современного материализма, являющейся вместе с тем и теорией познания естествознания.

Критики психологии не только впадали при этом в дуалистический параллелизм: существует два ряда явлений, а не один с разными качественными ступенями. Но эти критики впадали и в агностицизм: из допускаемых ими двух рядов явлений один ряд признавался научно не познаваемым (оставался в удел не науке, а чему же, кроме мистики!?); и именно, утверждалась непознаваемость таких реальных и особенно важных в социальной жизни явлений, как психические.

Решение вопроса о познаваемости психического у другого критика психологии — академика В. М. Бехтерева, окрашено в солипсизм: я могу знать только мои переживания, чужие мне не доступны. Впрочем, солипсизм Бехтерева непоследователен: через свои переживания В. М. Бехтерев все-таки допускает изучение, конечно, у Бехтерева, объективное, и чужих переживаний¹⁾, т.-е. допускает таким образом построение психологии, как науки.

Если психика, играя большую роль в поведении человека, познаваема, то в дальнейшем вопрос сводится к отбору тех методических приемов, с помощью которых мы познаваемое действительно могли бы познать. Логическое право на существование рядом с научной материалистической психологией рефлексологического метода заключалось бы в том, что этот метод исследует некоторые формы поведения, доступные научному предсказанию без обращения к сознанию; вследствие уже этого методика условных рефлексов не захватывает в свой круг исследование типичных и важнейших форм поведения человека, охарактеризованных выше Марксом, как психофизиологические. Методика условных рефлексов изучает некоторые стабилизовавшиеся (консервативные) формы поведения человека²⁾.

Если бы мы избрали для изучения поведения хронических энцефалитиков только метод условных рефлексов, который увлекает нас лично, то мы исследовали бы у наших больных только некоторые автоматизировавшиеся, привычные формы поведения, так как они могут совершаться без заметной активности сознания, но не те формы, которые являются для человека существенным. «Мы предполагаем труд (типичное поведение человека — З. Ч.) в форме, составляющей исключительное состояние человека, а не в форме, когда человеческий труд не освобождается от своей примитивной, инструктивной формы» — говорит Маркс в своей вышеприведенной характеристике типичного человеческого поведения, «выражающегося во внимании и целесообразной воле».

Что именно методика условных рефлексов изучает автоматические, привычные акты поведения, иначе сказать — стабилизовавшиеся консервативные, видно из взглядов основоположника учения о высших рефлексах в русской физиологической школе П. М. Сеченова. Взгляды Сеченова, последователем которого признает себя Павлов, особенно интересны в наше время затянувшихся споров о границах физиологии и психофизиологии. Взгляды Сеченова на поведение человека являются, по нашему мнению, интересующим нас ответом общей биологии и физиологии на вопрос, в чем заключаются особенности различных форм поведения человека.

После указания взглядов современной философии и социологии на данный вопрос, приведем биологическую классификацию форм поведения трудов Сеченова.

¹⁾ «Основы рефлексологии», 2 изд., стр. 146 — 147.

²⁾ Об этом подробнее мы высказались в статье «Психология и Марксизм», под редакцией К. Н. Корнилова, стр. 211 — 213.

2 Психофизиология

БИБЛИОТЕКА КЛУ
154281

Все известные доселе нервные акты Сеченов распределяет по способу происхождения в следующие категории:

1. Акты чувствования (видение, слышание, осязание и пр.).
2. Акты рефлекторного типа:
 - а) простые рефлексы,
 - б) рефлексы, осложненные сознательными чувствованиями,
 - в) чувственно-двигательные акты.
3. Акты центрального происхождения¹⁾.

Акты рефлекторного типа Сеченов характеризует так: «За раздражением чувствующей поверхности роковым образом следует движение всегда одного и того же рода. Но рядом с этим между явлениями есть и большая разница со стороны осложнения их актами сознательного чувствования и вмешательства воли. Одни (напр., действие желудочного жима или отделение желудочного сока) лежат вне сферы обоих явлений; другие, не подчиняясь воле, требуют, повидимому, сознательных ощущений (чувство тошноты и рвоты); третьи не требуют, наоборот, для происхождения сознательности ощущений, но подчинены до известной степени воле, которая может не только воспроизводить движения намеренно, без всякой стимуляции, но также угнетать их, когда поводы к движению существуют (мигание и кашель)» (стр. 64).

И. М. Сеченов приводит пример типичного акта организма, в котором рефлекторные и психические элементы тесно сплетаются между собою: «на границе между этой категорией регуляций (рефлекторной — 3. Ч.) и последующей я ставлю акты опорожнения мочевого пузыря и прямой кишки от их содержимого. Но чувствование, которым начинаются акты, здесь уже всегда сознательное, и сигнальное значение его выступает с особенной ясностью. Пренебречь позывом человек может из самых разнообразных побуждений, следовательно, между сигналом и целесообразным движением становится не только воля, но и рассуждение. Кто не знает, наконец, что опорожнение обеих полостей может быть намеренным без всякого чувственного сигнала?» Роль состояний сознания в поведении человека рефлексолог может проверить в любой день на себе.

Как и у К. Маркса, здесь, у Сеченова, воля и рассуждение не означают каких-либо спиритуалистических сущностей, а лишь отражение для субъекта синтеза всех физиологических процессов настоящего и прошлого. «Вторую категорию регуляций представляют, — продолжает И. М. Сеченов, — так называемые системные чувства с их двигательными влияниями». «Возрастая, чувство приобретает, наконец, столь резко выраженный импульсивный характер, что становится, *через посредство психики*, источником для многообразных сложных деятельностей, направленных к удовлетворению позыва». «В нормальных условиях деятельность *пробных регуляторов действительно имеет машинообразный характер, а здесь — сознательно произвольный*». Этими словами Сеченов характеризует сознание, по нашему мнению, как продукт синтеза рефлексов.

«В промежуток между второй и последующей категорией, — продолжает Сеченов, — следует поставить ту смутно сознаваемую систему ощущений смешанного происхождения, которая сопровождает всякое мышечное движение или, точнее, всякое перемещение частей костного скелета относительно друг друга». «Целесообразный кожномышечный рефлекс (который широко использован для изучения условных рефлексов в школе В. М. Бехтерева — 3. Ч.) может происходить, — говорит Сеченов, — без сознания и с машинообразною

¹⁾ Сеченов. «Физиологические очерки», ч. II изд., Поповой, стр. 81, 1898 г.

правильностью, но также осложняться *сознательными ощущениями с вмешательством воли*, и может, наконец, воспроизводиться и намеренно, без участия какого бы то ни было чувственного раздражения».

Описывая особенности актов чувствования, Сеченов говорит: *«Нужно ли прибавлять к этому, что разбираемые чувствования служат телу не иначе, как в сознательной форме?»* «Словом,— продолжает Сеченов,— во влиянии органов чувств на движение сказывается уже сходство с теми более высокими проявлениями нервной деятельности, которые физиологи обозначают общим термином «психомоторная деятельность»; «этими особенностями наша последняя категория регуляций действительно резко отличается от всех предшествующих, но пропасти между ними все-таки нет». «Начало согласования движения с чувствованием заходит за пределы только что описанных явлений. Отсюда оно, наверно, распространяется в область специальных инстинктов (преимущественно у животных) и так называемых заученных движений (преимущественно у человека)».

«Заученные движения (условные рефлексы — по терминологии Павлова — З. Ч.) в свою очередь развиваются не иначе, как под влиянием жизненных потребностей и, развившись, отличаются от инстинктивных лишь большей подвижностью связи между движением и чувствованием. При этом фактором, раз'единяющим их друг от друга, является и здесь, как и в деятельности выше описанных регуляторов разных категорий, воля с ее способностью воспроизводить движение намеренно, без содействия соответственного чувствования стимула, и унетать его наперекор действию последнего».

«Господство нашего начала идет, вероятно, и дальше — в ту область явлений, где чувствование превращается в повод и цель, а движение — в действие; но эта область уже лежит за пределами физиологического исследования»¹⁾ — заключает И. М. Сеченов.

Здесь вступает в свои права действительно новая наука — психофизиология, исследующая всю полноту форм поведения человека, как сознательных, так и бессознательных. С последним утверждением связано чрезвычайно важное методическое положение: исследование тех форм поведения, в которых не принимает участия сознание — чисто рефлекторных форм — на живом нормальном человеке, да, вероятно, и на высших животных, почти невозможно. Экспериментируемый, по крайней мере в начале опытов, всегда будет реагировать на новую обстановку исследовательского кабинета прежде всего своим высшим приспособительным аппаратом, деятельность которого продуцирует сознание; исследование, ставящее целью направление поведения только внешним раздражителем без обращения к сознанию испытуемого, — чисто рефлексеологическое исследование — зависит при этом от психофизиологических фактов.

И. П. Павлов красноречиво жалуется на то, что даже при самой строгой изоляции животного малейшее непредусмотренное экспериментатором раздражение, а таковые всегда имеются в любой обстановке, вызывает у животного установку на это раздражение, вызывает работу внимания, или, по условной терминологии И. П. Павлова, «роковую реакцию организма, ориентировочный, установочный рефлекс»²⁾.

Термин, на сей раз введенный Павловым, не спасает экспериментального факта от влияния на его ход состояний сознания как, о том говорил учитель И. П. Павлова — И. М. Сеченов, ибо, во-первых, не всякое раздражение

¹⁾ Все эти цитаты взяты из «Физиологических очерков» Сеченова, часть II, изд. 1898 г., гл. «Нервная система», стр. 56 — 78.

²⁾ «20 лет», изд. I, стр. 81.

у животного воспринимается, требуется определенная его величина, *не меньшая нижнего порога сознания*, и установка на это раздражение, дающая психический акт внимания, т.-е. только сознаваемые раздражения вызывают «ориентировочный рефлекс»; во-вторых, эта установка присоединяет к данному ощущению предшествующий опыт испытуемого, чем-нибудь сходный с данным; куда и как далеко уйдет спонтанная деятельность испытуемого — мы не можем судить, исходя только из знания нами раздражителя, т.-е. опыты с высшими, близкими к человеку, животными «роковым образом» (выражаясь термином Павлова) сопровождаются при некоторых условиях состояниями сознания у таких животных. Для учета отклонений поведения испытуемого под влиянием его состояния требуется специальная методика, которая уже по природе своей принадлежит не физиологии, а экспериментальной психофизиологии, изучающей явления сознания, как функцию физиологических процессов.

Условный рефлекс, как поведение, зависимое лишь от данного экспериментального раздражителя («кусочка бытия»), без влияния подвижного синтеза этого раздражителя с прежним опытом испытуемого (всем бытием), — неосуществимая задача в опытах с человеком, а вероятно — и высшими животными. Человек в ответственные и новые моменты своего поведения всегда будет реагировать «оптимальным возбуждением определенного участка больших полушарий», что, по утверждению самого Павлова, дает влияние сознания; о таком состоянии организма в каждом исследуемом случае поведения ни испытуемый, ни исследователь не могут знать иначе, как через психофизиологическое изучение. Вот почему исследование поведения животных за границей (в Америке — *behaviourism*) принадлежит часто психологам (Thorndike и др. в Америке, W. Köhler и др. в Германии).

Сам Павлов отмечает: «Интересно, что американцы, судя по книге Thorndike'a, вышли на новый путь исследования иначе, чем я с моими сотрудниками. На основании одной цитаты, приведенной у Thorndike'a, можно догадываться, что деловой американский ум, обращаясь к практике жизни, нашел, что *важнее точно знать внешнее поведение человека, чем гадать о его внутреннем состоянии*. С этим выводом относительно человека американские психологи и пришли к их лабораторным опытам над животными. Это до сих пор дает себя знать в характере производимых исследований: и методы, и решаемые вопросы *берутся с примера человека* (курсив наш — З. Ч.). Я и мои сотрудники держимся несколько иначе. Как началась наша работа со стороны физиологии, так она и продолжается неукоснительно в том же направлении».

И то, что американские ученые, исследующие поведение человека, являются психологами, конечно, не случайность. Повторим: живой организм высшего животного всегда будет реагировать в ответственной и новой обстановке высшим приспособительным аппаратом, «оптимальным возбуждением определенных участков коры», дающим, по Павлову же, состояния сознания¹⁾; от этих состояний, как конечных продуктов приспособительной деятельности организма, и исходит испытуемый в своем поведении.

Ученые, по каким-либо мотивам поставившие себе цель знать хотя бы только *внешнее поведение* человека, во имя этой уже цели непременно должны быть и психологами. Из огромного разнообразия форм поведения человека и высшего животного можно предсказывать без обращения к сознанию испытуемого только некоторые формы (и то при определенном условии, о котором речь идет дальше); это будут так называемые авто-

¹⁾ Эта мысль широко развита и M. Dougall'ом; об этом дальше.

матизированные, механические, или — по терминологии некоторых — рефлексологические формы поведения. Чтобы получить эти последние формы поведения, исследователю надлежит в начале опытов много поработать *над угашением сознания* испытуемым намеченных к исследованию форм его поведения; отсюда такому исследователю необходимы психологические знания. В бихевиористических опытах с человеком и, вероятно, с высшим животным исследователь в начале этих опытов имеет дело с сознательными в той или иной степени испытуемыми формами поведения, т.-е. с психофизиологическими явлениями.

Крайним бихевиористам, как исследователям только внешних форм поведения без обращения к сознанию испытуемых, для разрешения поставленных задач приходится обращаться или к исследованию поведения низших животных, у которых состояния сознания слабы или совсем отсутствуют (вследствие относительно малой организованности их тела, ибо сознание есть функция только высокоорганизованной материи), или к исследованию поведения высших, близких к человеку, животных и самого человека, но с наличием в работе этих исследователей предварительного экспериментального периода *угашения сознания* испытуемыми исследуемых у них форм поведения. Данным исследователям приходится, так сказать, вести войну против наличия у своих испытуемых состояний сознания.

Цель подобных исследований может заключаться в нахождении простейших реакций живого организма на простейшие стимулы, что может оказывать услугу не только психофизиологии, но и общей биологии и физиологии. И. П. Павлов, как физиолог, нашел точки соприкосновения с психологом-бихевиористом Thorndike'ом, хотя тут же указал и на расхождение с ним.

Попытка некоторых бихевиористов обойтись без учета и изучения состояний сознания у человека при предсказании его поведения возможна лишь в некоторых случаях при пользовании формами автоматического поведения; да и то надлежит помнить, что вначале эти опыты будут все-таки психофизиологическими, как объяснено впереди. Но так как состояния сознания могут возникать вновь в течение опытов, на что по-своему жалуется И. П. Павлов, то и такие опыты по своей методологической природе будут скорее психофизиологическими, чем физиологическими.

Крайний бихевиоризм (Watson'a, но не Thorndike'a и друг.) может найти подходящий объект среди людей лишь в некоторых почти патологических случаях, которые выдвинул и описал все тот же «деловой американский ум, предпочитающий по практическим соображениям считать более важным внешнее поведение человека, чем гадать о его внутреннем состоянии» (последнее «умонастроение» Павлов и считал за одну из причин появления в Америке бихевиоризма). И этот «деловой американский ум» в лице известного Тейлора так характеризует желательное для него поведение, например, рабочего-переносчика чугуна: «Он должен быть так туп и флегматичен, чтобы в умственном отношении скорее походил на вола, чем на что-либо другое». Такой объект исследования, действительно, может быть удачно подвергнут самой строгой дрессуре по методике «крайних» бихевиористов и рефлексологов, именно — вследствие того, что он «в умственном отношении походит на вола».

Спрос в социальной жизни Америки на объекты с таким поведением, быть может, и был одним из социальных толчков к появлению теории *крайнего* бихевиоризма в этой стране¹⁾. Но кроме отдельных патологических

¹⁾ Об этом подробнее в статье Т. Райнова «Отчуждение действия» в «Вестнике Коммунистической Академии», №№ 13 — 15 за 1926 г.; основные мысли этой статьи нами будут приведены дальше.

случаев типа, описанного Тейлором, крайний бихевиоризм в лице среднего здорового человека встречается чрезвычайно неблагоприятный материал для своих опытов. Характеристика поведения среднего рабочего, как ее дал Маркс, далеко расходится с пожеланиями Тейлора в отношении поведения рабочих: человек «не только изменяет форму того, что дано природой, — характеризует Маркс психологическую сущность труда современного рабочего, — в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и *свою сознательную цель, которая, как закон, определяет способ и характер его действий* и которой он должен подчинить свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Оставляя в стороне напряжение тех органов, которыми выполняется труд, *целесообразная воля, выражающаяся во внимании, необходима во все время труда* и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом выполнения» (К. Маркс. «Капитал», т. I, отдел третий).

Взгляды на сущность человеческого труда некоторых «деловых американских умов» и марксистской социологии диаметрально различны. При таких условиях совсем не понятна попытка некоторых рефлексологов в СССР подменить психофизиологическое изучение поведения человека изучением его на основе методологических идеалов крайнего бихевиоризма.

Крайний бихевиоризм имеет свой *raison d'être* при исследовании форм поведения тех, которые могут безгранично «эксплуатироваться» экспериментатором и его группой; в таком отношении вообще стоит человечество к миру животных; внутренний мир животных для их «практичных» хозяев не имеет никакого значения, хотя теоретически, быть может, и признается ими. Для хозяев, как таковых, важнее *внешнее* поведение их живого инвентаря, чем гадание о его внутреннем состоянии. Такой основной интерес человека к животному делает крайний бихевиоризм одним из основных методов, употребляемых человеком для дрессуры животных¹⁾; тем более, что для некоторых малоподготовленных исследователей имеются серьезные трудности при изучении «внутреннего» мира животных, хотя это изучение вполне удастся многим сельским хозяевам, охотникам, обучателям животных²⁾, а тем более зоопсихологам и биопсихологам³⁾.

Исследования человеческого поведения «крайними» бихевиористами, по нашему мнению, не могут быть выведены за рамки лаборатории и доведены до своего практического применения в жизни, вследствие почти полной невозможности угасить у здорового бодрствующего человека состояния сознания и мотивации его поведения, т.-е. вследствие зависимости его поведения не только от данного экспериментального раздражителя, но и от осознания в той или иной степени его прежнего текущего опыта и «директив» его социального поведения.

¹⁾ Теперь, кажется, уже не спорят по поводу утверждения, что широкая жизненная практика какой-нибудь большой исторической группы или страны определяет направления научной деятельности в ней.

²⁾ Лучший обучатель животных — В. А. Дуров, судя по его книге, излагающей приемы его работы, имеет в большинстве случаев психологический подход к обучаемым им объектам, т.-е. он в своей работе всегда считается с настроением, смысленностью и тому подобными психологическими проявлениями животных.

³⁾ Виднейший в Союзе работник в области биопсихологии, проф. В. А. Вагнер, скептически относится к выводам тех биопсихологов, которые наделяли сознательной жизнью уже инфузорий (Carter, Balbiani, Бюкли и др.); он отрицает проявление сознательной жизни и у гидроидов (что утверждали, например, Вольф, Zola, Nagel и др.), так как считает, что «действия гидры представляют в сущности не акт целого, а простую совокупность элементарных рефлексов»; зато В. А. Вагнер дал образцы исследований по сравнительной психологии животных своими монографиями «Водяной паук», «Городская ласточка» и др. Об американских биопсихологах мы подробнее скажем дальше.

Но литературно - художественное творчество дает нам приблизительную картину общества, где методы крайнего бихевиоризма были применены при организации общества во всей полноте. А. Толстой в «Аэлите» рисует социальную жизнь на Марсе, проводя сравнение ее с жизнью в нашем Союзе. Стоявшие у власти аристократы Марса при помощи «науки» наконец достигли своего идеала управления поведением рабочих; у последних, вероятно, долгими «крайне бихевиористическими» приемами, были вытравлены их собственные мысли и желания, рабочие были «механизированы»: внешние сигналы вызывали нужные аристократам формы поведения рабочих точно так, как мы имеем подобную регуляцию поведения животного в рефлексологических кабинках. И только *мысль*, принесенная из свободной от механизированного рабства страны, вызвала нарушение «рефлексологически», «бихевиористически» заведенного социального порядка. Типичное социальное поведение человека, это — *сознаваемое* поведение; вот почему у прогрессивных общественных групп их идеалом всегда был сознательный рабочий, крестьянин, вообще гражданин, а не «вымуштрованный», «механизированный» автомат.

Если теперь мы попытаемся подвести итоги методологическим суждениям акад. И. П. Павлова, затрагивающим вопрос о возможности психофизиологии, то эти итоги, по нашему мнению, могут выразиться в следующем:

1) И. П. Павлов выдвинул и пользуется методикой слюнных условных рефлексов, преимущественно как одной из многих методик чистой физиологии (понятия «рефлексология» И. П. Павлов решительно избегает в своих работах и суждениях).

2) У него изредка встречаются, преимущественно в моменты полемики, и общие методологические суждения, затрагивающие вопросы науки о поведении.

3) Эти суждения, высказывавшиеся И. П. Павловым на протяжении двадцати лет напряженного искания общей методологической (а следовательно, и гносеологической) истины в пределах своей науки, не представляют единой системы взглядов. Встречаются противоречивые суждения: с одной стороны (в 1913 г.), «психология, как наука о наших субъективных состояниях, представляется мне безнадежной, с другой стороны (в 1914 г.), «я преклоняюсь перед усилиями мысли старых и новых психологов, и я проникнут убеждением, что чистая физиология головного мозга животных облегчит непомерную богатырскую работу тех, кто посвящал и посвящает себя науке о субъективных состояниях человека».

4) При этом И. П. Павлов приписывает работе сознания исключительно большую жизненную роль: «В сущности, интересует нас в жизни только одно: наше психическое переживание; эти состояния для нас первостепенная действительность, они направляют нашу ежедневную жизнь, они обуславливают прогресс человеческого общежития. Положение — «психические переживания есть первостепенная действительность, направляющая нашу жизнь», является гипертрофией оценки роли сознания в жизни». При наличии таких суждений, те иногда встречающиеся замечания методологического характера, где И. П. Павлов сомневается в возможности психологии, являются типичной формой, по крайней мере, агностического позитивизма.

5) Агностический позитивизм и связанный с ним солипсизм являются, по нашему мнению, противоречием для научного работника, в особенности для такого, как И. П. Павлов, который полагает, что «точная наука о самом человеке выведет его из теперешнего мрака и очистит его от теперешнего позора» даже в «сфере межлюдских отношений»; тем более агностический позитивизм и солипсизм враждебен диалектическому материализму.

Общая концепция акад. И. П. Павлова, как видно, не дает достаточных оснований для изгнания из пределов объективного научного рассмотрения вопросов деятельности сознания и его роли в поведении. При таких условиях сторонники дрессуры не только животных, но и человека принуждались обратиться за помощью... в Америку, где, как мы видели, практически и теоретически ставился вопрос о *внешнем регулировании поведения* человека без обращения к его сознанию.

Типичным представителем этого крайнего направления бихевиоризма в Америке является J. Watson (не Thorndike, Hunter и др.). Наши «крайние» рефлексологи (не все!) и близкие к ним по установке перевели его книжку «Psychology from standpoint of a behaviorist» («Психология с точки зрения бихевиориста»¹⁾ сразу в двух изданиях: одно на Украине под редакцией В. П. Протопопова, другое в РСФСР под редакцией В. М. Боровского. Взгляды В. П. Протопопова мы имели уже необходимость разбирать²⁾; взгляды В. М. Боровского мы дальше коснемся.

Хотя Уотсон в первом издании своей «Психологии» идеологически отмежевывался от рефлексологии, утверждая: «поскольку дело касается психологии человека, то все так называемые объективисты — в том числе и Бехтерев — являются вполне *правверными параллелистами*», но редактор одного из русских переводов «Психологии» Уотсона — В. П. Протопопов — стремится отвести от рефлексологии открытый в ней Уотсоном параллелизм, для чего В. П. Протопопов в подстрочном редакторском примечании к приведенным словам Уотсона делает поправку: «рефлексология опирается, как и бихевиоризм, на теорию материалистического монизма». По адресу Уотсона В. П. Протопопов поступил своеобразно: рекомендуя его книгу, как некий образец воззрений на поведение человека, он сразу же уличает творца этих воззрений в отсутствии элементарных сведений об отличии параллелизма от материалистического монизма.

По адресу же материалистического монизма В. П. Протопопов, по нашему мнению, также несправедлив, как увидим из нижеследующего. Уотсон заявляет в своей книге: «Бихевиорист (типа Уотсона) не находит *никаких доказательств* существования «душевных процессов» *какого бы то ни было рода*»³⁾, какого бы то ни было рода состояний сознания (у Уотсона для агитации сказано «душевных процессов»), в том числе сознания, трактуемого, как функция высокоорганизованной материи. Это обычное агностическое заявление, известное у нас по формулировкам неокантианца А. И. Введенского. В. П. Протопопов, поместивший в переводе книги Уотсона очень много своих редакторских примечаний, часто решительно корректирующих мысли Уотсона, как мы видели впереди, однако принципиальное агностическое воззрение Уотсона оставляет без всякого ограничения или замечания, одновременно утверждая: «бихевиоризм, как и рефлексология, опирается на материалистический монизм». «Материалистический монизм», не признающий существования явлений сознания, как это выходит в концепции книги, редактируемой В. П. Протопоповым, у нас утверждал лишь один Енчмен, но его «теория», как известно, являлась пережитым печальным недоразумением в отношении знания материализма вообще и диалектического в особенности.

¹⁾ Дж. Уотсон, «Психология как наука о поведении», Гос. Изд. Украины, 1926 г., под ред. и со вступительной статьей проф. В. П. Протопопова. Другой перевод Б. М. Боровского в изд. ГИЗ'а РСФСР.

²⁾ См. книгу: З. И. Чучмарев и В. А. Лаврова. «Психофизиологическое исследование труда клоферистов-телеграфистов», глава «Методология», изд. Союза Связи, Харьков, 1927 г.

³⁾ Стр. XVI перев. под ред. Протопопова.

Отношение В. П. Протопопова к агностическому утверждению Уотсона для нас не является неожиданностью, ибо В. П. Протопопов рекомендует, как положительное методологическое утверждение, агностические воззрения А. П. Введенского и в своей брошюре «Введение в рефлексологию» и в своих литографированных лекциях по психиатрии студентам-медикам. Остается неясным для нас примирение В. П. Протопоповым монистического материализма и враждебного ему агностицизма (непримиримость воззрений современного материализма и агностицизма А. П. Введенского выразительно подчеркнута в «Енчмениаде» Бухарина).

Что же дает положительного названная книга Уотсона, призванная укрепить у нас позиции крайнего бихевиоризма и рефлексологизма? Предоставим пока по этому вопросу слово издателю и редактору. Издательство в предисловии предупреждает читателя: «В последних главах читатель может натолкнуться на некоторые суждения, которые могут показаться *странными*, в особенности главы об эмоциях, о речевых реакциях и т. д. Не нужно забывать, что психология, как естественная наука, еще наука новая¹⁾, и потому в ней, по необходимости, проскальзывает иногда *субъективизм* автора; кроме того, нужно иметь в виду, что автор — американец, отсюда *специфически «американская» окраска его субъективизма*» (курсив наш — З. Ч.). Если, значит, специальные главы «Психологии» Уотсона, т.-е. главы, начиная с шестой (эмоции), по мнению издательства, являются «странными», конечно, с точки зрения идеологии советского государственного издательства, то, быть может, ценность суждений Уотсона лежит в предшествующих пяти главах. Но об этих главах редактор перевода пишет: имеются недочеты у Watson'a; так, «некоторые отделы излишне растянуты, например, анатомический очерк о нервной системе и воспринимающих органах» — это третья, четвертая и пятая главы; впрочем, сам Уотсон об этих главах писал в первом издании: «эти главы могут быть опущены без вреда для цельности изложения».

Что же, при таких условиях, остается от «евангелия» крайнего бихевиоризма (и рефлексологии некоторых)? Остаются две начальных (из одиннадцати всех) главы не специально психологического характера, а гносеологического и методологического: первая — задачи и цели психологии и вторая — психологические методы. Итак, по мнению издательства, книга Уотсона представляет некоторую ценность своими гносеологическими и методологическими взглядами, но об этих взглядах впереди уже упоминалось, как о несовместимых со взглядами на сознание диалектического материализма.

К характеристике принципиальных утверждений Уотсона мы дальше и переходим. Мы останавливаемся на разборе взглядов Уотсона потому, что некоторые русские рефлексологи усиленно рекомендовали вниманию учащейся молодежи его воззрения, ибо, по их мнению, «рефлексология опирается, как и бихевиоризм (Уотсона), на теорию материалистического монизма». Такая характеристика обязывает как последователей Уотсона, так и его критиков.

Особенности методик, описываемых Уотсоном, заключаются, по его мнению, в исследовании поведения *без всякого обращения к сознанию* испытуемого, ибо Уотсон не находит даже доказательств наличия последнего у людей. Насколько такое исследование удастся, мы впереди говорили

¹⁾ К сведению писавшего это предисловие: В. Джемс, например, еще в 1890 году («Principles of Psychology») заявил: «психологию должно излагать, как естественную науку»; еще раньше подобные заявления делали и проводили в жизнь другие экспериментальные психологи.

и дальше будем говорить. Но для характеристики течения крайнего бихевиоризма любопытна мотивировка Уотсона необходимости таких исследований: мы только недавно начали *сознать* (!?), — говорит Уотсон в «Предисловии»¹⁾, — что побудительные мотивы для совместной жизни созданы успехами физики и химии (!?) или, вернее, *их применением в промышленности*... однако эти науки бессильны научить нас, как эту совместную жизнь устроить *разумно и счастливо*. Мы считаем здесь нужным подчеркнуть в мотивировке Уотсона связь крайнего бихевиоризма с успехами промышленности именно в его стране, сам Уотсон это подчеркивает так: бихевиористская психология является чисто американским произведением». И во имя «разумного и счастливого устройства совместной жизни» людей Уотсон полагает, что «Психология с точки зрения бихевиориста» должна «заниматься только предсказанием и регулированием действий человека, а не анализом сознания».

Итак, по Уотсону, для того, чтобы в его стране устроить совместную жизнь людей разумно и счастливо, надлежит только регулировать действия граждан, не интересуясь их сознанием, мыслями, чувствами и вообще переживаниями и не обращаясь к ним. По Уотсону, как и по взглядам его русских последователей, государство, желающее устроить «совместную жизнь людей в нем разумною и счастливою» в своих школах, на собраниях, митингах, в театрах и т. п. занимается только дрессурой, выработкой навыков, а не повышением сознательности своих граждан или углублением и расширением их переживаний (напр., при воздействии объектов искусства).

Надлежит заметить, что культурный аппарат государства (школа, агитация, искусство и т. п.) не получает после каждого приема воздействия на сознание сейчас же определенного поведения своих граждан. Мировоззрение, воспитываемое в школе, освещение событий на митинге, эмоциональное воздействие искусства, по большей части, рассчитаны скорее на так называемые «отсроченные реакции»; например, агитация за оборону страны в желательном результате скажется не в театре, школе, на митинге, а во время и на месте наступившей войны. Проверить поведение *de facto* в этих случаях часто можно значительно позже после первоначального обращения к сознанию граждан; потому — то основной эффект, которого добивается культурный аппарат государства при своем воздействии на граждан, заключается в достижении ясного и отчетливого *сознания* гражданами наличествующих и возможных событий и своей именно роли в этих событиях. Школа, агитация, искусство — это прежде всего специальные возбудители и регуляторы различных форм сознания людей.

У Уотсона говорится только о *регуляции поведения без его осознания*; при чем такое отношение к людям должно, по мнению Уотсона, сделать их в общественной жизни, по крайней мере, Америки, «разумными и счастливыми». Как видно, Уотсон, несмотря на свое отрицание роли «разума», противоречиво признает, с одной стороны, что все — таки кто — то думает о направлении людей к «разумной и счастливой» жизни, для чего, конечно, требуется и соответствующее знание «разума и счастья» людей — состояний глубоко психических, а с другой стороны, что кто — то только регулируется в своем поведении без всякой культуры его мысли и переживаний. Впереди мы говорили о возможной картине общества, устроенного по идеалам Уотсона. Эта картина предполагает классовый дуализм общества, деление его на управляющих и управляемых. Первые признаются как

¹⁾ Уотсон, «Психология». Перевод под ред. В. П. Протопопова, стр. XVIII.

способными видеть, конечно, по-своему, в чем заключается «разумное и счастливое» устройство общества, так и способными регулировать, сообразно своим идеалам *разума и счастья*, действия управляемых, эксплуатируемых, без обращения к их сознанию и без анализа последнего.

Опыт анализа социологических корней изложенных здесь взглядов на изучение поведения человека дал, например, Т. Райнов в «Вестнике Коммунистической Академии»¹⁾: «Гельмгольц создал понятия связанной и свободной энергии: не вся далеко она свободна для использования. Сопоставим теперь этот результат со стремлением к максимальной *эксплоатации работающего человека путем отчуждения его действий и удовлетворения его самого бездушной машиной*. Оба эти явления говорят об одном и том же: настали суровые, железные времена какого-то кризиса производительных сил²⁾. Производительные силы современных капиталистических обществ стоят на уровне, *абсолютно* превосходящем все когда-либо бывшее. Но только *абсолютно*. Потому что *относительно* к общественным потребностям этот уровень все еще невысок. И то, что он может подниматься теперь лишь весьма медленно с тяжелыми перебоями, делает его резко недостаточным, прямо *патологически низким*³⁾. Особенности финансового капитализма приводят к тому, что Ленин метко назвал «*загниванием капитализма*», именно в высшей его — финансовой — стадии. В нем и состоит, по преимуществу, современный кризис производительных сил, о котором мы говорили выше⁴⁾. Путь отчуждения, путь экспроприации лежит у капитализма в крови. Сперва он экспроприировал у рабочих орудия и средства производства (а с ними и продукты производства). И на этом фундаменте воздвиг пышное здание. Теперь он требует углубить экспроприацию. У *рабочего* *оставался его «собственный» труд*. Вовсе лишить его и этой собственности нельзя. Но можно устроить так, что она станет совершенно фиктивной. Действия будут выполняться рабочим, но независимо от его личной психики. Отторгнутый таким образом от личности рабочего, *максимально обездушенный, труд* допустит затем любое внешнее регулирование и в пределе — полную механизацию, а следовательно, и максимальную для новой человеческой машины эксплуатацию. «Научная организация труда», как ее понимают тайлористы, позаботится о том, чтобы из этой машины было извлечено все ее «полезное действие». И, таким образом, загнивающий капитализм обретет средство борьбы с кризисом производительных сил, ставшим для него постоянным. Все формы отчуждения действия как в хозяйстве, так и в идеологии, являются в равной мере следствиями одной и той же общей причины»⁵⁾.

«Почему отчуждение действия получило такое ограниченное распространение в хозяйстве, мы уже видели (сопротивляемость рабочих). Но чем объяснить, что и в идеологии оно осталось тоже крайне скромным по своим размерам? Если в *хозяйстве отчуждению действия в форме тайлоризма* и т. под. *помешало развиваться организованное сопротивление рабочих*, то что же воспрепятствовало идеологическим формам получить универсальное распространение? Не сопротивление же рабочих, в большинстве своем даже не подозревающих о существовании врага и в этой области. Дело объясняется противоестественностью задания. Художникам, ученым, философам

¹⁾ 1926 г., № 13 — 15, статья «Отчуждение действия».

²⁾ Ibid., № 15, стр. 74.

³⁾ Ibid., стр. 76.

⁴⁾ Ibid., стр. 78.

⁵⁾ Ibid., стр. 80 — 81.

давление общественной необходимости (в капиталистическом обществе) навязало задачу *свести жизнь* к совокупности невыразительных процессов, а ее носителей и деятелей, *живые существа — к автоматически действующим машинам без своего лица*, без индивидуальности, либо к теням индивидуальности, единичной и собирательной. Что может быть противостественнее этого!.. Приходится удивляться не тому, что она, эта задача, редко кем разрешается, а скорее тому, что она находит на многих исполнителей искусства, науки и философии. Как поднимается у них рука на это? Неужто они не оказывают никакого сопротивления внешней необходимости? Сопротивление оказывается».

«Разве мы не отметили отказ Пикассо от кубистической манеры после того, как он принес ей в жертву несколько лучших лет своей жизни? А философы, занимающиеся оправданием отчуждения действия под видом проблемы чужого одушевления (А. И. Введенский), они — то разве довольны результатами, к которым приходят? Не вызывают ли они к совести, к вере, к постулатам, чтобы хотя несколько смягчить горечь этих результатов? Разве не штрафовал Павлов своих сотрудников за употребление субъективной терминологии, и сколько лет мучили его сомнения, по правильной ли он дороге идет? И не этими ли сомнениями, и до сих пор живыми, придется объяснить, что он не отрицает человеческой психологии хоть на словах, целиком отвергая ее на деле, логикой своей «отчуждающей» мысли...»¹⁾.

«Конечно, никто не заподозрит предпринимателей, художников, философов и ученых в предварительном сговоре и согласии. *Взаимное соответствие получается здесь само собою, вследствие тождества исходных точек, в результате низкой оценки выразительной стороны жизни.* Частично и сами представители культуры отчужденного действия признают это соответствие. Например, в докторской диссертации физиолога Орбелли, ученика Павлова, мы встречаем попытку обосновать метод Павлова, исходя из философии А-ра Введенского. Что эта попытка не является обращением не по адресу, видно из того, что на одном заседании Петербургского Философского Общества, состоявшемся лет десять тому назад и посвященном докладу ученика Павлова, д-ра Зеленого, Введенский заявил, что метод «объективной психологии» предусмотрен и обоснован им, Введенским, еще в его старой работе о чужой одушевленности»²⁾. (Курсив наш — З. Ч.).

Т. Райнов, как видно, делает опыт социологического анализа теории крайнего бихевиоризма типа Уотсона (не Thorndike'a и др.) и теории условных рефлексов тоже в ее крайнем толковании. Выразительный социологический анализ взглядов крайнего представителя последней теории — Енчмена — дал Бухарин. Что касается взглядов Уотсона, то их социологические корни прозрачны. Его взгляды, по его словам, связаны с успехами и интересами американской промышленности: его бихевиоризм «стал принятым в американском обществе». Его взгляды являются выражением «делового американского ума» (слова Павлова). «Странные суждения» Уотсона об эмоциях и мышлении, по выражению издательства, объяснялись тем, что «автор — американец, отсюда специфически «американская» окраска его субъективизма». Связь воззрений Уотсона с идеологией промышленного американского общества для него и, кажется, для всех читателей его — ясна. Менее ясен для многих социологический механизм, приведший к этим воззрениям. Вскрытие пружин этого механизма дали Бухарин в «Енчмине», Райнов в изложенной здесь статье.

¹⁾ «Вестник Ком. Акад.», 1926 г., № 13—15, статья «Отчуждение действия», стр. 81—82.

²⁾ Ibid., стр. 66.

Фактически те, кто стремится устроить жизнь «счастливой и разумной» — революционеры всех времен, а в особенности нашего, вовсе не прибегали и не прибегают к дрессуре граждан, как основному методу нормального устройства общества. Все революционные группы всегда добивались именно повышения «сознательности» граждан. А потому вопрос о сознании, помимо чисто философских интересов, которые Уотсона и подобных ему не занимают, глубоко интересовал всех лиц, заботившихся о действительно разумном и счастливом устройстве общества.

Мы здесь и приведем воззрения материалистов-диалектиков в ответ на замечание В. П. Протопопова: «Бихевиоризм Уотсона и рефлексология опираются на теорию материалистического монизма», и в ответ на принципиальное утверждение бихевиоризма Уотсона: «бихевиоризм не находит никаких доказательств существования «душевных процессов» (сознания — З. Ч.) какого бы то ни было рода». «Что мысль и материя «действительны», т.-е. *существуют*, это верно» — говорит Ленин по поводу спора о Дицгене. Но назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом. В сущности, это скорее неточность выражения у Дицгена, говорящего в другом месте правильно: «дух и материя имеют по крайней мере то общее, что они *существуют*» (Уотсон: «бихевиорист не находит никаких доказательств существования состояний сознания какого бы то ни было рода»). И дальше Ленин продолжает на разборе Дицгена описывать отношение духа и материи: «Мышление есть телесная работа, — говорит Дицген, — для мышления я нуждаюсь в веществе, о котором можно мыслить. Это вещество дано нам в явлениях природы и жизни. Материя есть граница духа; он не может выйти за пределы материи. Дух есть продукт материи, но материя есть больше, чем продукт духа». «От разбора подобных материалистических рассуждений материалиста Дицгена махисты воздерживаются»¹⁾, — заключает Ленин, — как далек от таких рассуждений и Уотсон, хотя его В. П. Протопопов и рекомендует в редакторском примечании, как материалистического мониста.

Материалистический монизм, конечно, не разрушается утверждением Ленина: «мысль и материя существуют, но назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом». Материалистический монизм признает единство, но не тождество материи и сознания. Ленин сейчас уже вслед за приведенными положениями приводит следующее: «различие материи от духа относительно, но не чрезмерно»²⁾. Положение это подчеркивает, по нашему мнению, единство, но не тождество материи и сознания. В нем дано предупреждение как против отождествления движения материи с сознанием у материалистов-механистов, так и против нарушения единства материи и сознания у параллелистов всех сортов.

Различение материи и духа особенно подчеркивается гносеологическими, а их единство — онтологическими интересами материализма. Мы еще раз напомним положение Ленина по этому вопросу: «Что в понятие материи надо включить и мысли, как повторяет Дицген в «Экскурсиях» — это путаница, — говорит Ленин, — ибо при таком включении теряет смысл гносеологическое противопоставление материи духу, материализма идеализму, на каковом противопоставлении Дицген сам настаивает. Что это противопоставление не должно быть «чрезмерным», преувеличенным, метафизическим — это бесспорно (и в подчеркивании этого состоит большая заслуга *диалек-*

¹⁾ Ленин. «Материализм и монизм», стр. 247.

²⁾ Цитаты Ленина взяты из «Материализм и эмпириокритицизм», 1920 г., стр. 246 — 247.

тического материалиста Дицгена). Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют направление *гносеологических исследований*. *За этими пределами оперировать с противоположностью материи духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой*¹⁾. (Курсив наш — З. Ч.)

Из приведенных основных положений современного материалистического монизма вытекает, что утверждения Уотсона глубоко разнятся от этих взглядов, приписываемых ему Протопоповым, как то же приходится сказать и о русских подражателях Уотсона. Определенная точка зрения диалектического материализма на отношение материи и сознания приводит, по нашему мнению, прямо к требованию изучать под указанным углом зрения состояния сознания, как реальные и ценные для человека состояния. Мы осмелимся перед читателем повторить уже сказанное: «Мышление есть высший вид всей остальной действительности... Основная посылка философии — самодеятельность и отличность вещественного действительного мира от группы явлений сознания, возникающих в этом мире и познающих его... За это ли критиковал Энгельс Дюринга?» — спрашивает Ленин и отвечает: «Нет. В признании объективной закономерности природы, независимой от сознания, но отражаемой сознанием, Энгельс вполне сходиллся с Дюрингом, как и со всяким другим материалистом»²⁾, резко критикуя его, как известно, по другим вопросам. «Иначе, как через ощущение, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения узнать не можем»³⁾. «Для всякого материалиста законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно схожествуют, а не различествуют с этими формами»⁴⁾ — говорит в других местах Ленин.

Основная посылка Уотсона по вопросу о реальности сознания и возможности его познания расходится со взглядами диалектического материализма. Материализм (диалектический), исходя из материи, как основы, ставит своей основной задачей объяснить все явления и состояния мира, в том числе *непрерывно* и состояния сознания. Одним из основных вопросов расхождения материализма и идеализма является вопрос о материальной природе сознания и возможности изучения состояний сознания общими средствами науки. Самый крайний идеалист может, не противореча своему мировоззрению, заниматься изучением рефлексов у животных и человека по методике Павлова или по методикам, одобряемым Уотсоном; расхождение его с материализмом начнется у него с того момента, когда он начнет трактовать вопрос о сознании. Если научный работник признает (и осуществляет в своей деятельности) положения: материя первоначальна, материя — основа всего существующего, сознание возникает из материи в результате ее развития и высшей организованности, сознание есть поэтому реальность нашего материального мира, подчиняющаяся общей закономерности этого мира, а следовательно, подлежащая и изучению общими научными средствами, то такой ученый близко стоит к принципам диалектического материализма. Если же наш ученый полагает, что сознание не возникает из материи, а следовательно, не подчиняется общей закономерности материального мира, например, оно не может быть познано на основе общих научных средств и т. п., то такой ученый, осознано для себя или не осознано, является, по меньшей мере, агностиком и субъективистом.

1) Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 248 — 249.

2) Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 1920, стр. 244.

3) Там же, стр. 307.

4) Там же, стр. 367.

Так называемые «объективисты» являются при таких условиях настоящими субъективистами. «Объективисты», не имея возможности отрицать тот факт, что наши знания добываются через воздействие природы на сознание, ради последовательности должны были бы отрицать критику познающего аппарата сознания, ибо основы этой критики лежат в пределах отрицаемой такими «объективистами» науки о сознании. Как и все люди, «объективисты» все же пользуются при познании аппаратом своего сознания, но, отрицая науку о сознании, они принципиально должны были бы отрицать и средства углубленной критической проверки своих знаний. Фактически эти лица не могут иногда не прибегать к критике работы познающего аппарата сознания, но в этом уже лежит одно из их противоречий, вытекающее из разбираемой здесь предпосылки Уотсона и его последователей.

От взглядов агностицизма и связанных с ним солипсизма и субъективизма один шаг до мистики. «Ощущение (сознание — З. Ч.) способно знать истину, — говорит Ленин, — раз вы отрицаете реальность, данную нам в ощущении, вы уже потеряли всякое оружие против фидеизма (мистики — З. Ч.), ибо вы уже скатились к агностицизму или субъективизму, а это для него только и нужно»¹).

Идеализм и материализм в числе других пунктов непримиримого расхождения имеют и такой: сознание, возникшее из материи, познаваемо общими научными средствами — это материализм; сознание не возникло у материи и не познаваемо общими научными средствами — идеализм; «о чужом одушевлении»²) не может быть науки, а лишь морально обоснованная вера» — такое определение взглядов неокантианца и агностика А. П. Введенского Э. Радлов приводит в своем «Философском словаре», как прочно установившееся определение.

А между тем, если вы почитаете обоснование взглядов рефлексологов, то они почти всегда ссылаются на авторитет А. П. Введенского и вместе с тем наивно думают, что они выдерживают материалистическую точку зрения (Елчмен, Протопопов и др.).

Крайние бихевиористы (Уотсон, Lashley в Америке и наши последователи их — некоторые рефлексологи) не склонны интересоваться хотя бы основными положениями философии, в частности гносеологии: субъективное для них только отрицательный термин, всякое упоминание о сознании они обзывают метафизикой, искажается содержание термина интроспекция, определенно употребляемого, например, Бухариным, также неясно у них повторяемое везде слово «объективное знание» (а объективное знание по Марксу, Энгельсу, Ленину и Плеханову — это «субъективное, психическое знание» вызванное внешним миром вещей, независимым от сознания субъекта и проверенное практикой, т.-е. новою сверкою отображения вещи в сознании с реальной, независимой от сознания, действительностью).

Крайние бихевиористы бывают, действительно, последовательны в тех случаях, когда они не обращают внимания на работу своего собственного сознания и высказывают, вследствие этого, такие утверждения, от которых их застраховало бы знание правильной работы их познающей психики.

Так, Уотсон излагает методы изучения эмоций, полагая, что он при этом не занимается изучением психики (в состав которой, конечно, входят эмоции), как он же полагает, что он не изучает явлений сознания, трактуя о мышлении. А на вопрос Титчинера: «откуда бихевиорист знает, что существует такой процесс, как мышление, раз он не может непосредственно

¹) Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 126, 351.

²) Вопрос познаваемости «чужого одушевления», по терминологии А. П. Введенского, и есть вопрос научной познаваемости состояний сознания.

наблюдать его», признается, что его парадоксальная гипотеза о мышлении есть только догадка его собственного мышления, а не экспериментальный факт: «в настоящее время бихевиорист может прийти к этому заключению, пользуясь *только логическими доводами*» — говорит Уотсон¹⁾, но и логические операции предполагают знание закономерностей познающего сознания — своего собственного и других людей.

Уотсону и его последователям при их установке прямо недоступно, например, такое утверждение видного марксиста: «Величайшим заблуждением и пагубнейшим упрощением великой проблемы познания является *отождествление* всего сложного содержания мышления с его элементарными формами проявления. И это сказано не только о «скопище электронов», но и о слюнной реакции! Представим себе, что мозг моего ближнего обнажен и что я, в качестве исследователя, наблюдаю деятельность нервных центров как раз в то мгновение, когда он испытывает известное впечатление. И что же? При этом идеальном для познания условии я бы все же узнала лишь движение, причиняющее ощущение моего ближнего, но не получила бы ни малейшего представления о внутреннем состоянии, т.-е. о его переживании, другими словами — таковое оставалось бы для меня покрытым густым непроницаемым туманом» (Л. Н. Аксельрод - Ортодокс²⁾).

Познакомившись с основным характером гносеологии и методики Уотсона, мы, для примера освещения Уотсоном специальных вопросов, разберем его главы об эмоциях и речевых реакциях (суждения которых, по мнению издателя перевода на Украине, «могут показаться странными читателю»). Неверные предпосылки ведут к ошибкам и путанице.

В числе методов изучения эмоций, одобряемых и рекомендуемых Уотсоном, находятся следующие: ассоциативный метод (у Уотсона под №№ 1 и 2), изучение анализа сновидений (3), изучение словесных ошибок, (4), определение повышенного количества сахара в крови (5), эмоциональный опрос и различные попытки анализа характера (6), психогальванический рефлекс (7) и так называемые «выразительные методы (8). Здесь перечисляются все методы, рекомендуемые Уотсоном, и *все они являются психологическими*, все они стремятся найти физиологические условия психических состояний, т.-е. направлены в своей цели к описанию объективных признаков психических состояний, чем и занимается современная марксистская психология.

Возьмем для примера старый, выдвинутый школой Вундта «выразительный» метод (а все методики, приводимые Уотсоном, есть в большинстве завоевания методики экспериментальной *психологии*): у испытуемого регистрируют, например, пульс. Форма пульса может изменяться по величине и частоте; пульс может увеличиваться в своей силе и уменьшаться, учащаться и замедляться (об этом подробно в главе «Исследование эмоций»); из комбинаций этих изменений обратили наибольшее внимание исследователей по крайней мере шесть возможностей: пульс усиливается и замедляется; пульс слабеет и ускоряется; пульс усиливается и ускоряется; пульс слабеет и замедляется; пульс только учащается или только замедляется, без изменения силы. Возможны и другие комбинации.

Спрашивается, какой смысл был в учете перечисленных и подобных комбинаций изменений пульса, зачем нужна регистрация этих изменений? Изменения пульса, например, глубоко интересны для фармаколога; физиолога, но в случае постановки приблизительно такого вопроса, как

¹⁾ «Психология». Изд. Укр. Гос. Изд., стр. 308.

²⁾ «Красная Новь». 1927 г., книга 3, стр. 180.

влияет на пульс тот или иной фармакологический препарат и т. под. вопросов, научный смысл такой задачи ясен. Для науки о поведении человека глубоко интересным было бы установление, например, такой связи: ослабление и учащение пульса связано с состоянием депрессии (Вундт); такое состояние может или не быть заметно выраженным во внешних движениях (поведении) или, наоборот, может выразиться при определенных условиях определенными движениями. При этом всегда надлежит помнить: одно и то же эмоциональное состояние может выявиться в различных внешних движениях, и, наоборот, одинаковые внешние движения могут быть связаны с различными эмоциями (плач при радости и горе). Регистрация пульса для психологии эмоций даже при Уотсоновских взглядах имеет лишь тот смысл, что определенные изменения пульса могут быть характерными для констатирования эмоций, как состояний сознания.

Уотсон, рекомендуя в своей «Психологии» выразительную методику изучения эмоций, одновременно вскрывает несовершенство своего определения эмоции. Последнюю Уотсон определяет так: «Эмочия есть наследственная стереотипная реакция (*«patterne-reaction»*), влекущая за собой глубокие изменения во всем организме и в особенности в сосудистой и железистой системах»¹⁾. О переживании эмоции в этом определении не говорится, но зато рекомендуемая им выразительная методика предполагает *предварительное изучение* этих переживаний. Ведь имеются такие сосудистые и железистые изменения, которые не выражают эмоций, например, хорошо известные изменения в пульсе и плетисмограмме Трауб-Геринга, Майера, выделение слюны и т. п. Только *некоторые* сосудистые изменения приводят к эмоциональным состояниям; отсюда и возникает задача для выразительного метода изучения эмоций — определить, какие именно сосудистые изменения сопровождаются эмоцией, а какие нет. Последняя задача есть чисто психологическая задача.

Недостаточность определения эмоции Уотсоном видна и из того, что не только эмоции, но и все безусловные рефлексы стереотипны и наследственны и, конечно, сопровождаются изменениями в организме (в сосудистой и железистой системе). Под такое определение, какое дает Уотсон эмоциям, в еще большей мере подходят инстинкты. Описывая только один из возможных элементов эмоции — внешние движения — и не учитывая функцию организованности нашего тела — психические состояния, в том числе и эмоциональные переживания, мы похожи на описывателя какого-либо здания, ограничившегося лишь указанием и описанием отдельных кирпичей или деталей. Ученый исследователь в данном случае поступит иначе: упомянувши про особенности кирпича, дерева, он опишет строительный результат этих материалов. Можно было бы выразиться при этом: фасад такого-то здания есть функция кирпичей, определенно расположенных (организованных); по отдельному кирпичу нельзя заключать с достаточной вероятностью о характерных особенностях фасада. Конечно, фасад есть материальное явление (функция кирпичей), но представляющее новое качество, не встречающееся в отдельном кирпиче. «Мы несомненно «сведем», — говорит Энгельс, — когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но исчерпывается ли этим сущность мышления?»²⁾.

Когда Уотсон для действительного изучения эмоций, а не для спорных абстрактных определений, не находит другого пути, как следить

¹⁾ Уотсон. «Психология», 1926 г., стр. 193, изд. Укр. Гос. Изд.

²⁾ Архив К. Маркса и Энгельса, кн. 2, стр. 27 — 29.

за изменением психогальванического феномена, за изменением количества сахара в крови, за удлинением времени ассоциаций, то он при помощи этих признаков изучает именно эмоцию, как психическое состояние, с той разницей, что экспериментальная психология, откуда выписал эти методы Уотсон, делала это сознательно, а следовательно — наиболее продуктивно и рационально, а Уотсон, вследствие своей предвзятой мысли, делает то же самое бессознательно, менее рационально.

Ответ на какое-либо слово при ассоциативном эксперименте запаздывает; почему такое явление служит доказательством наличия эмоции, связанной со словом-раздражителем? Единственно потому, что, например, психолог-психиатр Юнг наблюдал удлинённые реакции при словах, которые, по показаниям испытуемых или более или менее вероятным догадкам Юнга, вызывали у испытуемых психическое переживание неудовольствия.

Психогальванический феномен (хотя бы терминологию для последовательности изменил Уотсон, ведь говорят же некоторые физиологи — гальванометрический феномен) тем интересен для изучения эмоций, что вслед за русским ученым П. Р. Тархановым ряд европейских исследователей (Sticker, Sommer, Fürstenau и др.), а в последнее время Veraguth нашли отклонения гальванометра при определенных эмоциональных переживаниях. Так, у Veraguth¹⁾ приведен случай, когда студент, недавно дравшийся на дуэли в ближайшем селе, в ответ на случайно предложенное ему для ассоциативного ответа название этого села дал при этом большое отклонение гальванометра с дрожанием. Дополнительно опрошенный студент признался в своих эмоциональных переживаниях, нашедших выражение в психогальванометрическом феномене: у него в этом селе на-днях была дуэль. Приблизительно начиная с таких опытов Veraguth'a, стали говорить о психогальванометрии, как методе изучения эмоций²⁾.

Санпюн обратил внимание на увеличение в крови сахара у животных, когда их сталкивали с другим враждебным животным; тут примышлялось с полной вероятностью, что животное в таких условиях имело именно эмоцию неудовольствия, в существенном близкую к подобным переживаниям человека при встрече его с врагом. Отсюда для констатирования эмоции неудовольствия и был предложен данный метод. Это — заключение по аналогии с несомненно большой вероятностью, равной почти вероятности непосредственного наблюдения, как такого же характера являются все заключения по всем рекомендованным Уотсоном для крайне бихевиористической психологии методам изучения эмоций.

Как видно, все перечисленные здесь методы есть психофизиологические методы, ибо они предполагают предварительно произведенные психофизиологические исследования. Психофизиологическую установку этих методов Уотсон не замечает или замалчивает ради своей методологической предпосылки о непознаваемости состояний сознания.

Еще более характерны, по нашему мнению, для характеристики методов мышления Уотсона его рассуждения в главе о речевых навыках

¹⁾ От Veraguth. Das psychogalvanische Reflexphänomen, 1909 г., стр. 30.

²⁾ Мы применили психогальванометрию для исследования труда и сопровождающих его эмоций у врачей; эта методика позволяет учитывать состояние работника без отрыва его от работы, что чрезвычайно важно для психотехники. Многочисленные измерения нас привели к предварительному выводу-гипотезе: медленные отклонения во время работы в сторону, в которую отклоняется гальванометр тотчас после включения, связаны со стенической эмоциональной реакцией; отклонение в противоположную сторону — с астенической эмоциональной реакцией; мелкие «дрожания» при этом в том или ином положении связаны с соответствующим аффективным состоянием. Наши предположения проверяются дальше на исследовании учащихся и заключенных в Допр за хулиганство.

(тоже вызвавшей упомянутое выше замечание издателя о «странных» суждениях Уотсона). В этой главе постулируется положение: мышление — это только речевые навыки — видимые или скрытые. (Если они скрыты так, что никаким прибором определить их нельзя, как выразился один русский сторонник Уотсона, то такие скрытые движения речевого аппарата, конечно, вообще выпадают из поля внимания положительной науки). Спрашивается: речевые навыки попугая, душевнобольного — это есть тоже мышление и чем такое «мышление» отличается от мышления нормального человека? Если только тем, о чем говорит Уотсон: «голосовые действия или навыки, как бы они ни были многочисленны, не становятся однако речевыми навыками до тех пор, пока они не свяжутся с деятельностью рук, ног, головы и не станут замещать их», то соответствующую связь движений мы можем констатировать и у попугая, и у душевнобольного. Замещают ли эти речевые навыки движения ног, рук и т. д. или нет — это дело уже не непосредственного наблюдения движений (поведения), а истолкования их на основании, в конечном счете, собственного сознаваемого опыта наблюдателя. Впрочем, утверждение Уотсона является пока недоказанным постулатом, хотя оно и предлагается в учебнике.

Уотсон в своем утверждении использует тот широко известный факт, что акт мышления, являясь целостным актом, может быть связан иногда с движениями речевого аппарата, а у некоторых, в особенности у детей и дикарей, связан и с движением рук, головы и ног¹), но особенностей мышления, как социально-направленной систематизации нашего опыта, конечно, последние движения не исчерпывают.

Решение какого-нибудь острого общественного или политического вопроса в соответствующем заседании не улучшается от количества «движений речевого аппарата, а тем более замещения его движением рук, ног, головы». Если же наиболее серьезное мышление в наше время необходимо не связано с движением рук, ног и т. п., то — есть *прогресс мышления не есть прогресс движений*, а скорее — *их регресс*, то мышление не может быть адекватно движению. Если же прибегнуть к уловке: мышление, скрытое движение речевых мускулов, не обнаруживаемое аппаратом, то такое допущение, как мы уже сказали, не имеет никакого значения для экспериментальной науки. Если же движения есть, но они слабы, то это можно проверить аппаратурой, что и сделала научная критика Уотсона (результаты дальше).

Хотя Уотсон для утверждения своей оригинальной мысли не прибег к предварительным лабораторным изысканиям, ссылка на неопубликованные результаты опытов д-ра Lashley в научном исследовании в счет не идет, особенно при столь парадоксальном утверждении, какое делает Уотсон (впрочем, описания опытов Lashley мы ниже коснемся. Вследствие шума, вызванного утверждением Уотсона о мышлении, были произведены экспериментальные исследования, например, Ag. M. Thorston, на тему об «отношении между движениями языка и внутренней речью»²); эти исследования дали вывод: «*Движения языка не являются постоянным спутником внутренней речи или вербального мышления, движения языка зависят не столько от содержания внутренней речи, сколько от явлений «нервной раздрации и мускульного тонуса».*

Мышление и движение мускулов не есть адекватные явления, хотя при мышлении и бывают движения гортани, ног и рук. Нами лично для исследования движений речевого аппарата использовалась гиподермальная капсула.

¹) Была выдвинута в лингвистике даже теория происхождения словесного языка из жестов.

²) «Journ. of Experim. Psychol.», Febr., 1925 г., статья «The relation of tongue movements to internal speech».

Наши исследования показали (см. главу «Исследование ассоциаций» и исследование «Психофизиологич. изучение звучания речи» — «Врач. Дело», № 3, 1925 г.), что во время мышления «про себя» на различные темы отмечаются некоторые однообразные напряжения мускулов речевого аппарата и только у некоторых лиц, а именно у лиц двигательного типа. Но эти движения, при всем разнообразии заданных испытуемым мыслительных процессов, *чрезвычайно однообразны*; они, следовательно, являются выражением только нервной иррадиации у людей двигательного типа (такой, приблизительно, капсулой пользовался Lashley, на опыты которого ссылается Уотсон).

Экспериментальные исследования Вюрцбургской школой подчеркнули своеобразие мышления даже со сравнительно такими близкими к ним процессами, как восприятие, представление, воспоминание; тем сильнее мышление отличается от мускульного движения речевого аппарата, ног и рук, хотя и может ими сопровождаться.

Мы много уделили внимания характерным особенностям взглядов *крайнего* бихевиориста потому, что некоторые наши рефлексологи, как сказано, призывали в лице Уотсона «варягов» для борьбы с наукой, изучающей поведение людей, как сопровождающееся сознанием, так и не сопровождающееся им. При всем нашем внимании к работам Уотсона, мы принуждены констатировать, что в основных онтологических, гносеологических и методических воззрениях, изложенных им в его «Психологии», и даже в манере развивать свои взгляды Уотсон близок к пережитому у нас этапу енчменизма. Общее у него с енчменизмом (не только со взглядами Енчмена, но и со взглядами его скрытых последователей) следующее:

1) Отрицание какого бы то ни было рода психических состояний: Енчмен — «психики нет, есть только рефлексы»; Уотсон — «бихевиорист не находит никаких доказательств состояний сознания какого бы ни было рода».

2) И в то же время употребление понятий и суждений, предполагающих наличие психики и сведений о ней (см. в «Енчмениаде» Бухарина подробнее о противоречиях Енчмена): «Исходным пунктом «теории» Енчмена является признание психики самого Енчмена, следовательно, объективно существует категория психических явлений; если психические явления существуют, то о них могут быть и суждения, что и происходит, вопреки Енчмену, в действительности, а отсюда вытекают и все те вопросы о «материи» и «духе», которые храбро изничтожаются Енчменом; когда он их ставит, то он опровергает свою собственную теорию»¹⁾. Взгляды Уотсона: его стремление «устроить жизнь разумно и счастливо» без анализа «разума», рекомендация таких методов исследования эмоций, которые основываются на предварительно произведенных психофизиологических исследованиях, и тут же отрицание состояний сознания какого бы то ни было рода» и т. п.

3) Крайняя парадоксальность утверждений, требующих подкрепления и проверки экспериментами. 15 тезисов Енчмена, предназначавшихся им для производства переворота в науке; утверждение Уотсона: мышление есть только движения речевого аппарата в соединении с движением ног и рук и попытка Уотсона произвести переворот в психологии помощью подобного рода утверждений.

4) Прозрачная зависимость «объективной» установки Уотсона от социальных идеалов господствующей части современного американского общества; эта зависимость и ведет к указанному искажению нашим «объективистом» реальных фактов. В отношении Енчмена Н. П. Бухарин ставит такой вопрос:

¹⁾ Бухарин, «Атака», стр. 143 — 145.

«каким социально - классовым элементом соответствуют социально - психологические особенности, застывшие в соответствующих логических «мнениях» енчменовского построения? Прежде всего здесь налицо элементы нового торгаша; он шумит, он хвастается, он форсит, он пророчествует о самом себе, — говорит Н. И. Бухарин. — Этот новый торгаш, с одной стороны, вульгарный материалист. Он доверяет только своим собственным глазам; он в известном смысле весьма «физичен». Отсюда его *вульгарно - материалистическая поверхность*. Наконец, новый торгаш *грубо «практичен» и вульгарен*, он — великий упрости́тель. Отсюда его борьба с марксизмом под прикрытием этого последнего». И далее Н. И. Бухарин связывает енчменизм с идеологией американского общества: «Мы не подозреваем ни самого тов. Енчмена, ни его сторонников в сознательном и корыстном характере их «мероприятий», «словесных реакций», *всею, как выражаются американские социологи физиологической марки (хотят сказать, zelo упредившие т. Енчмена), ил «внешнего поведения»*. А говоря о возможных результатах влияния енчменизма на молодежь, Бухарин пишет: «...из нее могут выйти американско - капиталистические дельцы, предприниматели, деятели буржуазной интеллигенции, если наше развитие пойдет по линии нашего превращения в буржуазно - капиталистическую страну»¹⁾. Какие причины приводят в Америке ко взглядам типа Уотсона, впереди указывалось.

Мы коснемся дальше значения *специфических* взглядов Уотсона для марксистской психофизиологии (а многое в его «Психологии» есть повторение, как видно, фактов или психофизиологии или физиологии и анатомии).

Как и енчменизм, так и методологически родственный ему бихевиоризм Уотсона (но не L. Morgan'a или Thorndike'a) не являются плодотворными моментами для развития марксистской психологии. Основному вопросу марксистской психологии — пониманию психики по формулам: материя и сознание едины, но не тождественны, материя — первоначальна, сознание — производное от нее, сознание есть лишь функция высокой организованности тела — бихевиоризм Уотсона, как и енчменизм, пользы не принес и не принесет. Взгляды Уотсона, не ставя определенно вопроса о природе психического, его отношении к материи, его роли и познаваемости, могут быть присущи идеологическим группировкам, ничего общего не имеющим с философией диалектического материализма.

Но Уотсон в изложенных взглядах представляет, так сказать, кривое зеркало большого научного движения, именуемого бихевиоризмом. Сам Уотсон об источниках своих взглядов говорит, что его воззрениям толчок дали сначала работы Lloyd'a Morgan'a, а затем, в еще большей мере, работы Thorndike'a. Поскольку работы «научного бихевиоризма» (название, которое осмелюсь употребить для научных работ последних ученых в отличие от изложенных взглядов Уотсона) содержат прямые методологические указания, относящиеся к науке о сознательном поведении человека, мы и займемся дальше освещением того крупного научного направления в изучении психологии животных, которое по методологической природе своих объектов принуждено на страницах, а то и в названии своих трудов употреблять слово «поведение» (behaviour). Для решения вопроса об особенностях современной психофизиологии рассмотрение гносеологической природы научного бихевиоризма имеет первостепенное значение.

Работы L. Morgan'a имели свое значение и для диалектического материализма, и на них обратил свое внимание В. И. Ленин: «Мах, — говорит В. И. Ленин, — как бы ставит в вину материализму нерешенность вопроса»

¹⁾ Н. И. Бухарин. «Атака», стр. 167 — 169.

о том, откуда «возникает» ощущение. Это — образчик «опроверженный» материализма фидеистами и их прихвостнями. Разве какая-нибудь философская точка зрения «решает» вопрос, для решения которого собрано еще *недостаточно* данных?» Следовательно, с точки зрения диалектического материализма, постановка вопроса об условиях, вызывающих впервые возникновение ощущения (сознания) в органическом мире, есть наиболее желательная и приветствуемая его теоретиками задача науки. И далее В. И. Ленин подчеркивает особо важное значение экспериментального решения наукой данного вопроса и значение для его решения работ именно Ллойда Моргана.

«Различие между материализмом и «махизмом» сводится, значит, по данному вопросу к следующему, — говорит В. И. Ленин: — материализм в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением. Таково предположение, например, известного немецкого естествоиспытателя Эрнста Геккеля, английского биолога Ллойда Моргана и др., не говоря о догадке Дидро¹⁾. Махизм стоит на противоположной, идеалистической точке зрения и сразу приводит к бессмыслице». «На деле остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям, махизм, т.-е. разновидность путаного идеализма, засоряет вопрос и отводит в сторону от правильного пути посредством пустого словесного выверта: «элемент»²⁾. (Курсив наш — З. Ч.).

Приписывать В. И. Ленину признание всеобщей одушевленности природы на основании приведенной цитаты мы не беремся. Что касается Л. Моргана, то он состояний сознания не находил не только в неорганической материи, но решительно отрицал его у инфузорий и у гидроидов, вопреки мнению многих ученых (Carter, Balbiani, Бючли, Вольф, Zola и др.).

Но еще более решительно «засоряет вопрос и отводит его в сторону от правильного пути» объявление работ Л. Моргана³⁾ (направленных на решение рекомендованного Лениным вопроса о возникновении сознания) «метафизикой», «мистикой», «панпсихизмом», «воскрешением анимистических и теистических понятий, близких, например, к представлениям представителя ордена Иисуса — патера Васмана» и т. п. Такую оценку основной установки работ Моргана делает один из критиков его в наше время в СССР на страницах почтенного марксистского журнала⁴⁾.

¹⁾ Допущение Ленина и Моргана о том, что ощущение в ясно выраженной форме связано только с органической материей, а «в фундаменте самого здания материи» можно предполагать не ощущение в своих специфических особенностях, а только материальные предпосылки для него, не есть еще признание всеобщей одушевленности природы, как некоторым кажется. Формула единства, но не тождества материи и сознания, может до некоторой степени давать право утверждать: «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, *сходной* с ощущением; здесь термин «сходной» может быть трактован, как «единой», но не тождественной.

²⁾ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 37—38.

³⁾ Его книга о поведении молодых кур и утят вышла в 1893 году, а «Навык и инстинкт» — в 1896 году.

⁴⁾ Статья В. Боровского «Метафизика в сравнительной психологии». «Под знаменем марксизма», 1927 г., № 7—8. Статья, судя по ее содержанию, очевидно, помещается в таком выдающемся своими марксистскими силами журнале в порядке дискуссии.